

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра общего языкознания и русского языка

LINGUISTICA JUVENIS

Выпуск 17

**Коммуникативный, семантический, лингвометодический
аспекты анализа языковых единиц**

Сборник научных трудов молодых ученых

Екатеринбург 2015

УДК 482
ББК Ш I

Редакционная коллегия:

Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф. (ответственный редактор);
Н.И. Коновалова, д-р филол. наук, проф.; **Т.В. Гоголина**, канд. филол. наук, доц. (ответственный за выпуск); **Е.Н. Иванова**, канд. филол. наук, доц.

Рецензенты:

О.Б. Акимова, д-р филол. наук, проф. (Российский государственный профессионально-педагогический университет); **М.Э. Рут**, д-р филол. наук, проф. (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина).

LINGUISTICA JUVENIS. Сборник научных трудов молодых ученых / Урал. гос. пед. ун-т.– Екатеринбург, 2015. – Вып. 17. – 115 с.

ISSN 2309-5768

В сборнике представлены научные статьи студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей по вопросам современной лингвистики: рассматриваются проблемы дискурсивной деятельности говорящих, экспериментальные исследования семантики и прагматики слова и текста, а также лингвометодические аспекты анализа языковых единиц.

Сборник представляет интерес для специалистов-филологов, аспирантов и студентов, а также для всех, кто интересуется проблемами современной языковой ситуации.

ISSN 2309-5768

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2015
© *Linguistica juvenis*, 2015

Е.Ф. Ахмадиева
Екатеринбург

УДК 372.881.161.1:371.671
ББК Ч426.819=411.2-268.2

Учебник русского языка как средство формирования информационной компетентности

Рассматриваются задания, представленные в методическом аппарате учебников русского языка, способствующие формированию информационной компетентности при работе с учебно-научным текстом. Задания соответствуют дотекстовому (до чтения текста), текстовому (во время чтения) и послетекстовому этапам чтения.

Ключевые слова: информационная компетентность, учебно-научные тексты, методический аппарат учебников, формирование информационной компетентности, этапы чтения текста.

E.F. Ahmadieva
Yekaterinburg

Textbook of Russian as means of forming of informative competence

The tasks presented in the methodical device of textbooks of Russian, promoting formation of information competence during the work with the educational and scientific text are considered. Tasks correspond to stages of reading the text: before reading the text, during reading the text and posttext.

Key words: informative competence, educational-scientific texts, methodical vehicle of textbooks, forming of informative competence, stages of reading text

В условиях перехода современной школы к формированию компетентностной личности одним из приоритетных направлений образования является формирование информационной компетентности учащихся, которая вне зависимости от авторов и способов классификации считается одной из ключевых: выпу-

скинки школ кроме прочных знаний должны уметь оперативно реагировать на запросы быстро меняющейся действительности, постоянно пополнять знания необходимой новой информацией, с которой должны уметь эффективно работать (находить, обрабатывать и представлять).

Существует несколько подходов в определении содержания информационной компетентности. Думается, что особого внимания в системе школьного образования заслуживает подход к определению информационной компетентности, в котором исходными являются категория «информация», процессы восприятия информации человеком, операции с информацией, способы информационной деятельности – целенаправленный поиск, анализ, переработка информации, получение знаний из информации: «Информационная компетентность - интегративное качество личности, являющееся результатом отражения процессов отбора, усвоения, переработки, трансформации и генерирования информации в особый тип предметно-специфических знаний, позволяющее вырабатывать, принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности» [Тришина 2005].

Источником информации в школе прежде всего выступает учебно-научный текст, с которым учащиеся встречаются на всех предметах школьного курса. Учебно-научный текст - это «сообщение в письменной форме, характеризующееся смысловой и структурной завершенностью, связанностью и направленное на передачу знаний, т. е. на процесс обучения» [Жеребцова 2007: 14]. Будучи разновидностью научного текста, учебно-научный текст отличается дидактической направленностью, так как является основной единицей обучения [Митрофанова 185].

В решении задачи формирования у школьников информационных умений на материале учебно-научных текстов особое место занимает предмет «Русский язык», так как при изучении данного предмета учащиеся знакомятся с текстом как речевым произведением и овладевают способами действия, направленными на восприятие и порождение текста. Формирование текстовых умений должно обеспечить учащимся осознанное усвоение учебно-научного текста. К тому же изучение

предмета «Русский язык» связано с формированием у учащихся умения использовать информацию о языковых единицах для решения познавательных и практических задач [Кусова 2014: 119].

Основополагающая роль предмета «Русский язык» отражена в Федеральном образовательном стандарте, там же представлен перечень информационных умений, которые необходимо формировать у учащихся. Базовыми видами деятельности с информацией являются понимание, анализ, переработка, представление и оценка. На основании представленных видов деятельности, опираясь на требования новых стандартов, мы выделили группы информационных умений, которые должны быть сформированы у школьников при работе с учебно-научным текстом: умения, обеспечивающие понимание информации; умения, обеспечивающие поиск и аналитическую обработку информации; умения, обеспечивающие применение и представление информации; умения, связанные с дифференциацией учебно-научного текста.

Формирование информационной компетентности авторы методических комплексов по русскому языку выделяют как одно из важных направлений работы, что заявлено в программах по русскому языку [Программы по русскому языку 2008, 2011]. В других программах эта работа входит в круг тем, формирующих текстовые умения [Программы по русскому языку 2010, 2011].

Рассмотрим, как в методическом аппарате учебников реализуется система работы, нацеленная на формирование информационной компетентности. Дальнейшие примеры взяты из самых распространенных в школах Екатеринбурга и области учебников русского языка для 5-9 классов следующих авторских коллективов: 1) Ладьженская Т.А., Баранов М.Т. и др.; 2) Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И др.; 3) Бунеев Р.Н., Бунеев Е.В. и др.; 4) Львова С.И., Львов В.В.

Работу с учебно-научным текстом, представленным в методическом аппарате учебников, можно разбить на три этапа: до-текстовой (до чтения текста); текстовой (во время чтения) и послетекстовой.

Перед чтением текста целесообразно проводить работу, связанную с наблюдением над языковым явлением, что способствует выяснению познавательной проблемы, выдвижению гипотезы, проверяя которую школьники обращаются к учебно-научному тексту учебника. В учебниках представлены такие задания до чтения текстов: «Ты уже знаешь, что понимание текста начинается еще до чтения. Предположить содержание учебно-научного текста можно по заглавию. Прочитай заглавия текстов. Что можно предположить по заглавиям о содержании и построении текстов. Сопоставь свои предположения с содержанием текста», «Как ты думаешь, почему по заглавию учебно-научного текста можно предположить так много: и тему, и примерное содержание, и построение текста?», «Выскажите предположение о том, с какими трудностями вы будете сталкиваться при ...», «Проверьте свои догадки, прочитав данный текст», «Прочитай название параграфа, ключевые слова, посмотри материал для запоминания в рамках. Сформулируй, какие проблемы будут рассматриваться на уроке» и др.

Во время чтения учебно-научных текстов необходимо организовать работу, способствующую пониманию учебно-научного текста. На уроках должно быть организовано обучение основным видам чтения, в учебниках представлен материал по работе с ними: памятки (см [Программы по русскому языку 2008: 7-8]); задания: «Прочитай текст в левой колонке, отвечая по ходу чтения на вопросы. Цель твоего чтения - понять текст и узнать новое о языке и речи. Как ты думаешь, почему такое чтение называется изучающим?», «Прочитай учебно-научный текст. Для этого сформулируй для себя цель чтения и вспомни все необходимые действия до чтения, во время чтения и после. Воспользуйся текстом в рамке или памяткой». Работа над изучающим чтением очень важна, так как приемы изучающего чтения обеспечивают глубокое проникновение в содержание текста, способствуют более полному и точному пониманию информации, содержащейся в тексте.

Текстовый этап должен включать работу с ключевыми словами, заголовком, выделением известных и новых понятий, анализ композиции текста, приведение собственных примеров. В

методическом аппарате учебников представлены следующие задания, формирующие умения, обеспечивающие поиск и понимание информации учебно-научных текстов: «Прочитайте ... предложение, попробуйте доказать справедливость мысли», «Прочитайте текст, вставляя термины», «Читая текст, выпишите новые для вас термины», «Читая текст, уточняй значение непонятных слов по словарю», «Найдите и выпишите ключевые слова текста», «Озаглавьте каждую часть текста», «Определите, какая мысль раскрывается в тексте», «Найди и прочитай предложение, выражающее главную мысль», «Отражает ли заглавие основную тему текста?», «Какую информацию ты получил? Какая информация в этом тексте противоречит информации, которой ты владеешь?», «Прочитайте текст в рамке, какую новую информацию ты получил? К каждому абзацу приведи свои примеры».

Таким образом, во время чтения учебно-научных текстов учащиеся выполняют задания, формирующие умения, обеспечивающие понимание, поиск и аналитическую обработку информации.

Послетекстовый этап ориентирует на проверку правильности понимания, преобразовании информации, порождении учебно-научного текста: «Объясните, как **содержание** этого текста **связано** с материалами изучаемого раздела», «Прочитайте текст. Какова его основная мысль?», «Какая **важная информация** содержится в тексте?», «Определите тему и основную мысль», «Озаглавь и перескажи текст», «Подготовь устно связное высказывание на тему.../ по данным вопросам», «Перескажи текст по плану», «Перескажи текст, используя свои примеры», «Составь устный рассказ по теме..., используя ключевые слова темы», «Сжато изложи содержание текста», «Напиши учебно-научный текст-рассуждение на тему...», «Составьте план или тезисы, а затем законспектируйте текст», «Сжато в 3-5 предложениях изложите содержание текста», «Прочитайте параграфы, запишите сложный план сообщения о... Расскажите по нему о...», «Составьте опорный конспект для пересказа. Устно перескажите текст».

В учебниках встречаются разные способы подачи теоретического материала – таблицы, схемы, рисунки. Работа с информа-

цией нетекстового вида учит анализировать информацию, представленную в виде таблиц, схем, рисунков, производить структурно-смысловую и логический анализ такого материала. Задания, способствующие формированию умений понимать информацию, представленную в нетекстовом виде следующие: «Озаглавьте таблицу/схему», «Рассмотрите таблицу и ответьте на вопрос», «Познакомьтесь с содержанием таблицы и подготовьте связный рассказ в учебно-научном стиле на тему...», «Проанализируйте, как составлена таблица, какова ее цель. Почему части речи расположены именно в такой последовательности? При выполнении каких заданий эта таблица может служить опорой?», «Попробуйте передать содержание текста в виде схемы или таблицы», «Преобразуйте текст в схему», «Пользуясь таблицей, докажите, что...», «Преобразуйте схему в таблицу», «Изучите схемы и передайте содержащуюся в них информацию в виде связного текста», «Передайте содержание таблицы в виде тезисного плана», «Прочитайте текст рубрики и сопоставьте его с содержанием схемы. На основе полученных сведений расскажите о ...», «Бегло просмотрите текст и определите, совпадает ли принцип деления / структура информации в этом тексте и в таблице».

При работе с информацией учебно-научных текстов русский язык максимально реализует свою метапредметную функцию, поэтому с помощью учебника должна быть организована работа по определению особенностей учебно-научных текстов. В методическом аппарате учебников представлены задания, формирующие умения дифференцировать учебно-научный текст: «Найдите в школьных учебниках научные тексты. Какова задача этих текстов?», «Докажите, что данный текст является образцом научного стиля. К какой области знаний он относится?», «Сформулируй, что общего у учебно-научных текстов и научных текстов и чем они отличаются?», «Как ты думаешь, почему по заглавию учебно-научного текста можно предположить так много: и тему, и примерное содержание, и построение текста?».

Представленные задания направлены на формирование навыков самостоятельной учебной деятельности, то есть имеют метапредметную направленность.

Таким образом, методический аппарат учебников русского языка способствует формированию у школьников метапредметных умений: умение осуществлять информационный поиск, выделять существенную информацию, обрабатывать и представлять ее – умений, на которых основана информационная компетентность, следовательно, учебники по русскому языку являются средством формирования информационной компетентности учащихся.

Литература

Жеребцова Ж.И. Использование информационной структуры предложения в обучении иностранных студентов-нефилологов чтению русских учебно-научных текстов :дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2007.

Кусова М.Л. Учебно-научный текст как средство формирования информационных умений у младших школьников // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 3. – С.118-123.

Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. – М., 1985.

Программа по русскому языку для основной школы. 5-11 кл. Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, Л.Ю. Комиссарова // Образовательная система «Школа 2100». Сборник программ. Основная школа. Старшая школа / под науч. ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 2010.

Программы общеобразовательных учреждений: Русский язык: 5-9 кл. / сост. М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Н.М. Шанский. – изд. 11-е. – М., 2010.

Программы по русскому (родному) языку, 5—9 классы, авторы программы: М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос, В. В. Львов, Г. А. Богданова.// Рабочие программы. Русский язык. 5—9 классы, сост. Е. И. Харитоновна. – М., Дрофа, 2011.

Программы по русскому языку для общеобразовательных учреждений. 5-11 классы: основной курс, элективные курсы/ авт.-сост. С.И. Львова. -3-е изд., стер. – М., 2008.

Русский язык. 5 класс. Учебник для общеобраз. учреждений. В 2 частях/ Ладыженская Т.А., Баранов М.Т., Тростенцова Л.А. и др./ Науч. ред. Н.М.Шанский. – М., 2012.

Тришина С.В. Информационная компетентность как педагогическая категория // Интернет-журнал "Эйдос". - 2005. - 10 сентября. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-11.htm>.

© Ахмадиева Е.Ф., 2015

И.А. Ваулина
Екатеринбург

УДК 81'23:81'34
ББК Ш105+Ш100.6

Фоносемантическая экспрессивность в словообразовательном аспекте: экспериментальное исследование

Статья посвящена экспериментальной верификации фонетического значения идеофона в отрыве от его лексической семантики. Выявляются коннотативные аспекты считывания звуко-символики в процессе деривации.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, языковое сознание, фонетическое значение, смысловые доминанты, словообразовательный анализ.

I.A. Vaulina
Yekaterinburg

Phonosemantic expressivity in word-formation aspect:
experimental data

The article is devoted to the experimental verification of the phonetic values ideophone apart from its lexical semantics. Connotative aspects are revealed in the process of reading *zvukosimvoliki* derivation.

Key words: psycholinguistic experiment, linguistic consciousness, phonetic value, meaning the dominant, derivation analysis.

В современной лингвистической науке актуально осмысление феномена экспрессивности с психолингвистических позиций. В этом аспекте на первый план выходит проблема экспериментальной верификации формальных и содержательных аспектов экспрессивности лексемы.

Одним из направлений психолингвистических исследований экспрессивности является выявление фоносемантической значимости экспрессивного слова. При этом основную трудность составляет поиск способов изучения фонетического значения слова «в чистом виде», в отрыве от лексической семантики. С этой целью учеными разрабатываются различные варианты создания благоприятных экспериментальных условий для максимальной актуализации фоносемантического фактора экспрессивности, в частности – привлечение в качестве стимульного материала квазислов (искусственно сконструированных) [Журавлев 1973] или слов, не известных данной группе испытуемых [Левицкий 1998].

Для верификации экспрессивного потенциала звукокомплексов в отрыве от лексического значения, выявления ассоциативно-образного наполнения их фонетического состава нами было проведено экспериментальное исследование, которое включало в себя два этапа.

1. В соответствии с методикой прямого толкования значения слова испытуемым предлагалось дать определение стимулов. В качестве стимулов были отобраны следующие единицы:

- составленное А.П. Журавлевым в экспериментальных целях искусственное слово *фрыш*;

- извлеченные из стихотворения В.Хлебникова «Море» диалектное слово *дзыга* (волчок, юла) и термины каспийских поморов *диль* (рыболовная сеть), *корог* (нос судна) [Григорьев 2000: rvb.ru/hlebnikov/tvorprim/124.htm].

2. На основе разработанной Т.А. Гридиной процедуры тренинга лингвистической креативности [см. Гридина 2009: 47-59] была сформулирована инструкция: «Образуйте от слов-стимулов прилагательное и глагол, объясните их значение». При этом в свете нашей гипотезы наибольший интерес представляла семантизация респондентами полученных дериватов.

Экспериментальная гипотеза состояла в том, что 1) предъявление в качестве стимулов асемантических слов позволяет актуализировать фоносемантические параметры их экспрессивного восприятия носителями языка; 2) образование от квазислов дериватов (прилагательных, глаголов) способствует раскрытию

разных аспектов их экспрессивной выразительности в соотношении с частеречной семантикой, смысловым наполнением словообразовательных аффиксов и моделей. Игровая условность экспериментальной ситуации (оказиональный характер стимулов и предполагаемых реакций) способствует раскрепощению творческой фантазии участников эксперимента [Гридина 2009: 48] и, следовательно, выявлению глубинных ассоциативных связей между звуковыми комплексами и значением.

В эксперименте приняли участие 20 девушек в возрасте от 20 до 21 года, студенток третьего курса ИФКиМК по направлению «Филологическое образование» УрГПУ.

Анализ результатов эксперимента позволил выявить следующие тенденции.

Коннотативное наполнение квазислова *фрыш* реализуется в эмоционально окрашенных образах: *бомж, опухоль, выбоина на колесе, неприятный человек; старый заносчивый склочный человек, любящий власть; колючий, шумящий, сердитый еж* (ассоциат отсылает к звукоподражанию «фыр, фр»); *гламурный молодой человек, следующий законам моды*; интенсивно-экспрессивных ассоциатах (связанных с представлением о крупном, ярком, обращающем на себя внимание): *большая мышь, что-то большое, красное или желтое* (реакция отражает именно коннотативно-признаковые аспекты восприятия стимула: респондент затрудняется обозначить понятийную принадлежность квазислова, но детально описывает коннотативные свойства его «семантики»). Звукокомплекс *фрыш* ассоциативно связан по принципу синестезии с яркими цветами), *молодой человек с запоминающейся внешностью*; «образах абсурда» [Соснина 2009: 108]: *сок из шишек, сок из камышей, масло из комаров*. На экспрессивность стимула указывает высокая степень конкретности, наглядная образность ассоциатов.

Обработка результатов второго этапа эксперимента включала в себя семантический анализ дериватов (описание смысловых доминант восприятия стимульных основ), элементы словообразовательного анализа, направленного на выявление аспектов экспрессивности мотиватора, реализующихся при словообразовании.

Группу окказиональных глагольных дериватов от квазислова *фрыш* объединяет значение отрицательных эмоциональных переживаний, отрицательной оценки социального поведения человека.

Глаголы *фрышать* «сердиться», *фрышитъ* «врать, воровать, сплетничать», *фрыжить* «издеваться, насмехаться, делать что-то плохое, неприятно удивлять», а также возвратные формы *фрышиться 1* «обижаться», *фрышиться 2* «лезть не в свое дело, не на свое место или действовать на нервы своим существованием» актуализируют словообразовательные модели, основанные на присоединении к основам существительного тематических глагольных суффиксов *-и*, *-а*. В субъективных дефинициях реализуется эмоционально-оценочный аспект экспрессивности мотиватора.

По аналогии с узуальными разговорно-просторечными единицами *озоровать*, *лютовать* образованы окказиональные глаголы с оценочным значением *фрышевать 1* «вести себя **нагло, неподобающе**», *фрышевать 2* «вредничать, ворчать», *фрышевать 3* «модничать». Глагол *фрыжевать* «соскребать ржавчину с трубы, бурить скважину», вероятно, передает звуковое представление о реалии: названные респондентом действия сопровождаются резким, скрипящим, неприятным звуком. Аналогом для окказионализмов *фрышнуть 1* «плюнуть, плеснуть неприятной жижей», *фрышнуть 2* «проиграть» выступает словообразовательная модель с суффиксом однократности *ну-*.

Интересен сконструированный путем *контаминации* [Гридина 2013: 63] экспрессив *фрыжучить* «**сильно** ругать»: элемент *фрыш*, присоединяясь к звуковой оболочке сниженно-экспрессивного глагола *жучить* «*Прост.* Постоянно поучать, деля выговоры, читая наставления» [МАС, 1999, т. I: 490] способствует интенсификации оценочного значения глагола-мотиватора путем усиления его фонетической выразительности.

При образовании глагольных дериватов от основы *фрыш* респондентами используются приставочно-суффиксальные морфемы.

Так, узуальным прототипом окказионального глагола *офрышетъ* «приобрести **несуразный стиль, удариться** в какое-то

модное направление» выступает модель, основанная на присоединении к мотивирующей основе конфикса «о-...-е» со значением "приобрести признак, который назван мотивирующим словом" [Русская грамматика 1980: §905]. В данном случае актуализируются коннотативные аспекты восприятия мотиватора, связанные с абсурдностью, несуразностью, отрицательно-эмоциональной реакцией испытуемых на фоносемантику стимула.

Экспрессивность звукокомплекса *фрыш* проявляется в квазидериватах со значением интенсивности: *офрышеветь* «обнаглеть до крайности». Образование глагола включает два этапа: присоединение к основе существительного суффикса *-ев* со значением признака по отношению к предмету/ явлению; образование от основы полученного прилагательного посредством конфикса «о-...-е» глагола со значением "приобрести признак, названный мотивирующим прилагательным" [Русская грамматика 1980: § 905]. *Фрыш* осмысливается респондентом как некое отрицательное качество, свойство характера, поведения человека.

Дополнительный оценочный контекст восприятия окказионализмов *офрышеть*, *офрышеветь* формируется за счет структурной и смысловой связи с узуальными синонимами: жаргонными экспресемами *офонареть*, *офигеть*.

Образуя от стимула *фрыш* прилагательные, испытуемые ориентировались преимущественно на нейтральные словообразовательные модели.

Присоединением к мотивирующей основе суффиксов со значением признаковости *-н*, *-ск*, *-ев (-ов)*, *-лив*, *-ическ* образован широкий спектр единиц с эмоционально-оценочным содержанием: *фрышный1* «наглый, злой, неприятный», *фрышный2* «надоedливый», *фрышный3* «небезучий», *фрышевый* «вредный, мерзкий», *фрышовый* «неприятный, мерзкий, наглый», *фрышливый* «назойливый, навязчивый», *фрышический* «садистский». Экспрессивное осмысление звукового комплекса *фрыш* как связанного с броским, вульгарным, ярким, с крайней, чрезмерной степенью проявления признака находит отражение в семантизации деривата *фрышный* «импозантно-надутый, модный, но чересчур «фу-фу-фу». Неприятно-модный, несуразный. Красная помада - *фрышная*. Высокие каблуки и колготки сеточкой» (субъектив-

ная дефиниция, в частности приведенный в ней образный ряд, оценочные характеристики «импозантно-надутый», «неприятно-модный, несуразный» и эмоционема «чересчур «фу-фу-фу» ярко иллюстрируют отрицательное-экспрессивное, высокоэмоциональное восприятие респондентом стимула). В толковании прилагательного *фрышский* «заграничный, дорогой, эксклюзивный либо связанный с церковью» находит отражение «экзотизм» фонетического облика квазислова *фрыш*.

Отрицательная экспрессия стимула *фрыш* выражается в его ассоциативной связи в сознании респондентов с образом старого, дряхлого человека: *фрышевый* «старый, дряхлый». По аналогии с притяжательными прилагательными типа *отцовский* от *фрыш* образовано *фрышевский* «принадлежащий старому *фрышу*».

К узуальным прототипам-фоносемантам *напыщенный* и *зашоренный* отсылают прилагательные *нафрышенный* «напыщенный, высокомерный», *зафрышенный* «зашоренный, ничего не видящий вокруг» (ср. *напыщенный* «**преувеличенно** важный, надменный, высокомерный» [МАС, 1999, т. II: 386], *зашоренный* «ограниченный, духовно неразвитый» [Ефремова 2006]).

Экспрессивность стимула *фрыш* усиливается посредством экспрессивных аффиксов.

Присоединением к мотивирующей основе глагольного суффикса *-ану* (имеющего интензивное значение и передающего коннотации просторечной сниженности [РГ 1980, т. I: 349]) и суффикса *-т* со значением "подвергшийся действию, названному мотивирующим словом, и содержащий результат этого действия" [РГ 1980, т. I: 663] образовано прилагательное *фрышанутый* «ненормально самолюбивый или вороватый». Характерно, что субъективное толкование слова содержит сему «отклонение от нормы» (*ненормально самолюбивый*).

Используя в качестве прототипа экспрессивную словообразовательную модель с суффиксом *-аст*, обладающим семантикой «характеризующийся интензивно выраженным внешним признаком, названным мотивирующим словом» и яркой стилистической окраской фамильярности» [РГ 1980, т. I: 286] (ср. *ушастый*, *лобастый*), респондент образует слово *фрышастый* «кривой, с большими ушами, с ежиком на голове». Экспрессив-

ность деривата проявляется в аспекте образного изображения ярко выраженных, характерных признаков.

По аналогии с узуальными эмоционально-оценочными экспрессемами *изумительный*, *восхитительный* создан окказионализм *зафрышительный* с экспрессивной семантикой «невероятный, фантастический».

К прототипу *фешенебельный* «отвечающий требованиям вкуса, моды, элегантный, изысканный (обычно в дворянско-буржуазном обществе)» [МАС, 1999, т. IV: 560] отсылает прилагательное *фрышабельный* с противоположным оценочным значением «дорогой, пафосный и безвкусный».

Образованные от *фрыш* дериваты свидетельствуют об интенсивно выраженной отрицательной экспрессии звукокомплекса в сознании носителей языка.

Звукокомплекс *корог* осмысливается испытуемыми как связанный с образной имитацией свойств формы и поверхности предмета, явления. *Корог* для носителей языка – твердый, угловатый предмет с неровной, шершавой на ощупь поверхностью: *необработанная древесина, бревна; гроб, коробка (2), засохший хлеб, коряга, кочерга, лед в вечной мерзлоте, ороговевший слой, нечто похожее на пеня*. Возможно, в данном случае актуализируется фонетическое сходство с узуальными словами *кора, коряга* и т.п. При этом большинство ассоциатов связаны с антиэстетичными образами, что указывает на эмоциональный характер восприятия стимула: *толстая корка из омертвевших клеток, грязи и др. на рогу какого-либо животного (слона, носорога); большой корень дерева, большая коряга страшной формы*.

Экспрессивное восприятие неблагозвучности, «экзотичности» звуковой оболочки стимула находит отражение 1) в образах «преграды»: *препятствие на пути к успеху, препятствие на дороге, путь с препятствиями, дорога в ямах и колдобинах* (в реакциях такого типа проявляется артикуляционная специфика слова, вызывающего определенные затруднения при произнесении); 2) образах мифического, ирреального: *что-то связанное с колдовством, что-то магическое, связано с легендами; мифическое существо, король сельскохозяйственных животных; мифическое существо мужского пола у славянских народов,*

обитающее в лесу и следящее за старыми деревьями (лечит их или валит), обладало способностью **покрывать корой** что-либо (могло превратить человека в дерево)- **массивный, возможно деревянный, рогатый** (ср. образы твердого, угловатого); 3) толкованиях, отражающих рефлексия испытуемых относительно коннотативной окраски стимула: *плохое слово, устаревшее слово*.

Дериваты, образованные от стимула *корог*, иллюстрируют следующие аспекты восприятия данного звукокомплекса респондентами.

- Осмысление звукового облика мотиватора как передающего свойства формы, поверхности предмета нашло отражение в субъективных дефинициях полученных прилагательных и глаголов.

Образованные респондентами глаголы объединяет заключенное в их семантике образное представление о модификациях формы, физических свойств предмета (явления).

Присоединением к стимульной основе глагольного суффикса *-и* со значением действия по отношению к мотивирующему существительному [РГ 1980, т. I, § 794] образован дериват *корожить* «обрабатывать **дерево**, вырубать что-либо **из дерева/камня**, выделывать шкуру животного» (мотивирующей основой выступает в данном случае *корог* «что-то сделанное из дерева»). Стимульный звукокомплекс в значении «лед в вечной мерзлоте» порождает дериват *короговать* «покрывать вечными льдами»: актуализируется узуальная словообразовательная модель «сущ.+суф. *-ова* = глаг. со значением "покрывать что-л. чем-л." (*асфальтировать, глазуровать*) [РГ 1980, т. I, § 835].

Глагол *закорогнуть* «зачерстветь, засохнуть, свернуться» отсылает к прототипу *засохнуть* и образован «путем произвольного введения нового «корня» в модельную сетку готового слова» [Гридина 2013: 22]: в результате трансформации возникает окказиональная единица повышенной звукоизобразительной экспрессивности.

Приставочно-суффиксальным способом по модели «за- + сущ. + *-е*» со значением "покрыться тем, что названо мотивирующим существительным" (ср. *замшеть*) [РГ 1980, т. I, § 904]

от основы *корог* в значении существительного образован дериват *закорожеть* «покрыться коркой».

От стимула *корог* респондентами образованы отсубстантивные прилагательные со значением физических качеств предмета: *корожный* «сухой», *короговой* «мерзлотный», свойств формы: *корогический* «неровный, кряжистый» (от *корог* «препятствие на дороге, неровность, кряж» путем присоединения суффикса *-ическ* со значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» [РГ 1980, т. I, § 630], причастие *короженный* «подвергавшийся обработке, вырубленный из камня», обозначающее признак по действию, связанному с трансформацией формы предмета.

- Дериваты, актуализирующие коннотативно-оценочное наполнение стимульного звукокомплекса.

По аналогии с узуальными лексемами *выковать* «ковкой изготовить» [МАС, 1999, т. I: 260-261] и *доковылять* «Разг. Ковыляя, медленно дойти» [МАС, 1999, т. I: 420] образованы глаголы *выкорожить* «выковать меч, кинжал, нож в **грубой манере**», *докорогать* «дойти, **доползти, доковылять**». Об экспрессивном восприятии мотивирующего звукокомплекса носителями языка свидетельствует наличие отрицательно-оценочных сем в субъективных дефинициях дериватов: усиление фоносемантической выразительности мотиватора влечет за собой интенсификацию оценочного восприятия производных слов (в соотношении с узуальными эквивалентами).

Эмоционально-оценочный аспект осмысления стимульного звукокомплекса респондентами актуализируется при семантизации глагольных дериватов *корожить* «**долго** идти, перемещаться из деревни в деревню, проходить **далекие** расстояния, **по каменной дороге**», *короговать* «бояться, дрожать», *корогнуть* «гнить, портиться».

Образованные от стимула (посредством суффиксов со значением признака *-ск, -ов, -ист, -н* и др.) прилагательные выявляют противоположные оценочные полюса его восприятия: с одной стороны, *корогий* «грубый, неаккуратный», *короговой* «неаккуратный, грубый, черствый», *корогский* 1 «сложный, трудный», *корогский* 2 «кривой, уязвимый или далекий, недостижимый»,

корожистый «трудный, с препятствиями, с преодолениями» (образовано по аналогии с *глинистый, ухабистый, бугристый, кряжистый*, по модели, основанной на присоединении к мотивирующей основе существительного суффикса *-ист* со значением «обладающий тем, что названо мотивирующим словом» [РГ 1980, т. I, § 642]. В таком случае мотивирующий звукокомплекс осмысливается как существительное со значением «препятствие на дороге, препятствие на пути к успеху» - см. первый этап эксперимента), с другой стороны - *короганный* «величественный, основательный, хороший», *короговый* «добротный, основательный, родоначальный. Пахнет елкой, эфирными маслами» (толкование отражает восприятие стимула по принципу синестезии), *короговой* «**очень** богатый».

- Дериваты, иллюстрирующие экспрессивно-интенсивный контекст восприятия стимула.

Глагол *выкораживать* «совершать необдуманые, неадекватные поступки» отсылает к прототипу - диалектной лексеме *вытвораживать* и образован путем «подмены» элемента звуковой структуры слова. В «Словаре русских народных говоров» экспрессема *вытвораживать* представлена со значениями «1. Говорить **вычурно, высокомерно, манерно, с усиленным** ударением на словах, выговаривать слова и некоторые звуки **твёрдо, с силой**. Южн.-Сиб., 184. 2. Говорить что-либо **неожиданное, замысловатое, острое, забавное** или **нелепое**; говорить **чепуху**, смешить других. >> Вытворять, проделывать что-либо **необычное, смешное**. 3. Говорить или делать что-либо **с трудом, нехотя, с неудовольствием**» [СРНГ, вып. 6, 1970: 38]. Дополнительным усилителем экспрессивности лексемы выступает «парадоксальная» внутренняя форма, когда мотивировочный признак трудно выводим, хотя формальная производность (связь с мотивирующей основой) в таком «экспрессивном производном слове прочитывается, осознается очень легко» [Матвеева 1986: 54]. Таким образом, совмещение планов восприятия экспрессивного прототипа и фоносемантической выразительности стимульного звукокомплекса порождает окказиональную единицу высокой экспрессивности.

Экспрессивен глагол *корожить*, который осмысливается информантом как «гибрид», образованный путем сложения компонентов словосочетания *корчить рожу*.

При образовании респондентом глагола *короговать* со значением «тараторить, торопиться» актуализируется экспрессивный потенциал фонетической организации стимула по принципу звукового повтора, связанного с образной имитацией высокой интенсивности речи.

Ассоциативная доминанта восприятия звукового комплекса *диль* - осмысление его как звукоподражания (ср. *звук, звук на корабле, звук будильника*), обозначающего легкий, тонкий, приятный звон, звук капли (*звук, который издает капля, падающая с сосульки весной (2); звук небольшого колокольчика; звук падающей на стекло капли (2); звук капли, падающей воды; капель, звон; приятный звук от легкого удара железной палочкой, звук, удар какого-то музыкального инструмента; дивный звук; бубенчик, звонок и т.п.*) или как явления, ситуативно связанного с порождением звука (*колокольчик; веревка, за которую дергают, чтобы привести в движение язычок колокола; человек, который занимается настройкой музыкальных инструментов; старый музыкальный струнный инструмент*). Относительное однообразие полученного ассоциативного поля, «единогласие» респондентов в приписывании стимулу семантики свидетельствует о наличии и устойчивости у звукокомплекса *диль* ярко выраженного фонетического значения.

Выявленные посредством метода прямого толкования доминанты экспрессивного восприятия звукокомплекса *диль* находят выражение при образовании от стимула глаголов и прилагательных.

Большинство дериватов (90%) имеют звукоподражательный характер и содержат в субъективных дефинициях общие семы «звук», «звук тонкий, тихий, звонкий, приятный». Звукоподражательный аспект экспрессивности мотивирующей основы актуализируется при образовании глаголов *дильнуть* «изобразить звук колокольчика» с глагольным суффиксом однократности -*ну*, *дильить* «звонить в колокол», образованный присоединением к мотивирующей основе тематического глагольного суффикса -*и*, *дильничать* «играть на музыкальном инструменте» (возмож-

ными способами восстановления словообразовательной цепочки является следующие: 1) *диль* «музыкальный инструмент» → *дильник* «музыкант, играющий на инструменте *диль*» → *дильничать*, 2) *диль* «музыкальный инструмент» + суффикс *-нич(ть)* со значением "действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным" → *дильничать* [РГ 1980, т. I, § 812]).

Глагол *передилить* «перебить что-л. звонкое (например, стаканы)» обозначает действие, сопровождающееся звуком, и отсылает к прототипу *перебить*: нейтральная мотивирующая основа подменяется звукоподражательной, в семантике появляется сема «характер звучания» (*звонкое*).

Образованные от стимула прилагательные обозначают акустические параметры (*дильевой* «тонкий (о звуке)», *дильный* «звонкий»), и эмоционально-оценочные характеристики звучания (*дильный 1* «приятно, хорошо звучащий», *дильный 2* «дивный, хороший (о перезвоне)»).

Ряд дериватов отражает восприятие стимула по принципу синестезии. Сочетание звонкого согласного с гласным переднего ряда вызывает ассоциации с такими параметрическими характеристиками предмета, как маленький размер, вытянутая форма [см. об этом Воронин 1982, Журавлев 1991]: *обдильить* «обклеить маленькими детальками», *дильевать* «мелко пако-стить», *дильный* «длинный, тонкий, вытянутый, острый». Звонкие согласные обнаруживают ассоциативную связь с яркими цветами: *дильновый* «свежий, красочный, яркий, сочный».

В ассоциативном поле стимула *дзыга* выделяются смысловые доминанты его восприятия: «название танца» (*восточный танец, который танцуют мужчины; грузинский мужской танец; зажиточный танец южных народов; болгарский танец, суть которого в выбрасывании ног вперёд как можно выше под ритмичную быструю музыку*). Ср. также название танца *дзыга-дрыга* в сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». Характерно, что испытуемые связывают стимул с названием танца других народов, что указывает на экзотизм его звукового облика для носителей русского языка), громкий, резкий звук (*громкое жужжание насекомых; звук, издаваемый мотором старого мотоцикла; режущий звук*), «движение» (*движение (2), беспорядочное движение*),

«интенсивное проявление признака, качества, явления, действия» (эмоциональное или физическое состояние, доведенное **до крайней степени; большая улыбка, до ушей; очень худой** человек, яркий, блеск; цыганская кочевая повозка, **огромная** деревянная бочка, кадка; **большой** вместительный сосуд для хранения чего-либо, используется в быту, в хозяйстве, также **большая** вместительная повозка на нескольких человек для перевозки **крупногабаритных** грузов; болгарский танец, суть которого в **выбрасывании ног вперёд как можно выше под ритмичную быструю музыку**). Полученные по данному стимулу реакции объединяет значение интенсивности.

При образовании от стимула дериватов наиболее актуальными для респондентов выступают следующие направления (аспекты) его семантизации.

- Звукоподражательный аспект. Осмысление стимульной основы как звукоподражательного междометия, воспроизводящего такие частные характеристики звука, как **звонкий, громкий**.

По модели «звукоподражательное междометие + суф. -а = глаг. со значением "воспроизводить в звучании мотивирующее слово" [РГ 1980, т.1, § 828] (ср. уз. *бахать, грохать*) образованы глаголы *дзыгать* «греть **косями**», *дзыгать* «звучать, **звенеть**», *дзыгать* «шуметь **очень сильно**». Субъективные толкования содержат семы «звучание», «характер звучания» (греть *косями, звенеть*), сему интенсивности (*очень сильно* - *двойной интенсификатор*).

Звукоподражательные глаголы, обозначающие интенсивное, сопровождающееся звуком действие, образуются респондентами по экспрессивной модели, путем присоединения к мотивирующей основе суффикса *-ану* со значением «однократно и, как правило, интенсивно или экспрессивно, резко совершить действие, названное мотивирующим словом» [РГ 1980, т.1, § 840]: *дзыгануть* «со **звоном** бросить», *дзыгануть* «**резко** бросить со **звоном и стуком**».

- Интенсивно-экспрессивный аспект. Данная группа дериватов представлена, в основном, прилагательными, значение которых содержит характеристики, традиционно соотносимые с экспрессивностью: *дзыгный* «видный, громкий, чересчур актив-

ный», *дзыгный* «громкий, активный, «вырвиглазный», *дзыговый* «резкий (движения)», *дзыжный* «очень нервный», *дзыговый* «подвижный, быстрый». Идентификаторами экспрессивности в субъективных дефинициях выступают усилители *чересчур, очень*; экспрессема *вырвиглазный*. Показательны в отношении экспрессивности параметры *видный, громкий, активный, подвижный, быстрый, резкий* (данные характеристики выступают маркерами фоносемантической выразительности звука или звукокомплекса при его верификации по электронной программе ВААЛ (Шалак, 2001)). По аналогии с узуальным *жгучий* образовано прилагательное *дзыгучий* «жгучий, перченая смесь, сыпучая, терпкий, ядерный, бордового цвета». Разномодальные образы, обозначенные в толковании, связаны с высшей степенью интенсивности какого-л. признака, качества.

Глагольные дериваты данной группы обозначают интенсивно проявляющиеся действия: *дзыговать* «танцевать *очень* активно, гарцевать на лошади, *выпендриваться*» (глагол образован по аналогии с узуальным *танцевать*, путем присоединения к мотивирующей основе суффикса *-ова*, стимул осмысляется как существительное со значением *танец*).

Ряд дериватов иллюстрирует параметрический аспект экспрессивности стимула: *дзыгничать* «долго идти», *дзыговый* «длинный».

- Эмоционально-оценочный аспект восприятия мотиватора представлен глаголами *дзыгачить* «задираться, громко ругаться», *дзыгачить* «пакостить», прилагательными *дзыговой* «плохой (мотор)», *дзыгаческий* - бравый, безупречный, напоказ».

Эксперимент с привлечением в качестве стимульного материала «семантически опустошенных» звуковых комплексов позволяет выявить фонетическое значение слова в отрыве от лексической семантики. Полученные по данным стимулам ассоциативные поля иллюстрируют разные аспекты их фоносемантической выразительности: эмоционально-оценочный, интенсивно-экспрессивный, чувственно-образный (звуковая имитация свойств формы и поверхности предмета). При толковании незнакомых слов испытуемые использовали две стратегии: с одной стороны, опора на звуковые ассоциации, с другой стороны – поиск узуальных аналогов.

Образование от стимульных единиц дериватов способствует проявлению широкого спектра оттенков экспрессивного восприятия стимулов, позволяет выявить наиболее актуальные для респондентов фоносемантические характеристики.

Литература

Воронин С.В. Основы фоносемантики: монография. – Л., 1982.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1 / Под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2013 (2-е издание).

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография. – Екатеринбург, 2013.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка (Толково-словообразовательный). – М., 2006.

Журавлев А.П. Содержательность фонетической формы знаков в современном русском языке (психолингвистическое исследование): дис. д. филол. н. – Калининград, 1973.

Журавлев А.П. Звук и смысл. – М., 1991.

Левецкий В.В. Звуковой символизм. Основные итоги: монография. – Черновцы, 1998.

Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке: учебное пособие. – Свердловск, 1986.

Русская грамматика. Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1980.

Словарь русских народных говоров /под ред. Ф.П. Филина. Т. VI. – Л., 1970.

Словарь русского языка: в 4-х т./ под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999 (2-е изд., испр. и доп.).

Соснина Ю.А. Эмотивность внутренней формы слова (по данным метаязыковой деятельности носителей русского языка): дисс. ... канд. филол. н. – Кемерово, 2009.

Хлебников В. Творения. – М., 1986.

© Ваулина И.А., 2015

А.М. Воробьев, С.Д. Воробьева
Екатеринбург

УДК 811.161.1'42:821.161.1-32(Шукшин В. М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,43

**Описание типа языковой личности
(на примере литературного персонажа)**

В статье представлено описание языковой личности героя рассказа В.М. Шукшина. Охарактеризовано отношение личности к языковым нормам, а также основные мировоззренческие установки (тезаурус) и коммуникативные потребности личности.

Ключевые слова: языковая личность персонажа, художественный текст, идиостиль, В.М. Шукшин.

A.M. Vorobyov, S.D. Vorobyova
Yekaterinburg

The description of the language personality
(on the example of the literary character)

The description of the language personality of the character of the Shukshin's story is presented in article. The attitude of the personality towards language norms, and also the thesaurus and communicative needs of the personality is characterized.

Key words: language personality of the character, text, idiostyle, V.M. Shukshin.

В европейском языкознании проблема языковой личности возникла при рассмотрении социальной природы языка, соотношения языка и речи, языка индивида и коллектива (В.Гумбольдт, И.А.Бодуэн де Куртене, Ф. де Соссюр, Э.Сепир); большой вклад в разработку данной проблемы внесли видные русские лингвисты А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Р.А. Будагов и др.

Среди лингвистических исследований, посвященных проблеме языковой личности на современном этапе, можно отме-

тить работы О.Л. Арискиной, и Е.А. Дрянгиной, Р.П. Дронсейка, Е.Н. Ивановой (2014), Е.В. Иванцовой (2010), Д.Н. Мурзина (1995) и др.

Термин «языковая личность» был введен в научный оборот В.В. Виноградовым в 1930-х гг. в работе «О языке художественной прозы» [5]. Он исследовал две ипостаси художественной языковой личности – личность автора и личность персонажа. Уже само это разграничение оказывается чрезвычайно продуктивным – не только для теорий литературоведческого анализа художественного миромоделирования (художественного сознания), но и для развития лингвистических теорий и разработки типологии языковых личностей (см., например, типологию языковых личностей применительно к изучению игровых идиостилей в [Гридина 2013]).

Как отмечают исследователи, само понятие «языковая личность» до сих пор не является точно определенным, что связано со сложностью и многоуровневостью самой проблемы. В научных исследованиях отсутствует единая трактовка данного термина. Среди наиболее широких определений данного понятия отметим следующие: «Языковая личность – любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в них системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Мурзин 1995]. Ср.: «Языковая личность - индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения» [Мурзин 1995].

В лингвистике под «языковой личностью» понимается личность речевая – человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения.

Г.И. Богин в работе «Современная лингводидактика» писал: «Центральным понятием лингводидактики является языковая личность, человек, который присваивает язык, тот, для которого язык есть речь... Языковая личность характеризуется не только тем, что она знает о языке, но и тем, что она может с языком де-

ать»[2]. Последний (операциональный) аспект определения языковой личности важен не только для описания динамики и мотивации речевых действий конкретного индивидуума, но и для анализа творческого потенциала языка, который проявляет национальный характер и индивидуальные черты его носителя.

В отечественной лингвистике общеризнаны концепции языковой личности Ю.Н. Караулова (1987) и Г.И. Богина (1980). Так, в понимании Ю.Н. Караулова языковая личность предстает как *homoloquens* вообще, а сама способность пользоваться языком – как родовое свойство человека (*homo sapiens*). Под языковой личностью в данной концепции понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью.

В структуре языковой личности, согласно модели, предложенной Ю.Н. Карауловым, выделяются три уровня:

1) **вербально-семантический** уровень, или лексикон личности, понимаемый в широком смысле, включающий также фонд грамматических знаний личности;

2) **лингвокогнитивный**, представляющий собой тезаурус личности, в котором запечатлен "образ мира", или система знаний о мире;

3) **мотивационный**, уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности: систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей.

Отдельного внимания заслуживает описание языковой личности литературного персонажа. При этом в фокусе анализа оказывается конкретный тип личности (характер), воспроизведенный речевыми средствами авторского художественного почерка. В то же время сам речевой портрет персонажа воссоздается в опоре на реальный прототип языковой личности с соответствующими параметрами (социальными, возрастными, этнокультурными, психологическими).

За основу такого анализа нами был принят алгоритм описания языковой личности, представленный в учебном пособии

Е.Н. Ивановой «Проблемы изучения языковой личности» [Иванова 2014а]. Характеристика любой языковой личности в данном случае заключается в выделении различного рода предпочтений, проявляющихся в речи индивида (см., например, о морфологических предпочтениях исторической языковой личности в [Иванова 2014б]). Объектом описания стал персонаж В.М. Шукшина Пашка Холманский (рассказ «Классный водитель»).

1. Краткие сведения о личности

«Пашка Холманский – шофер, водитель-механик 2 класса, уроженец алтайской деревни. Сухой, жилистый, легкий на ногу. С круглыми изжелта-серыми смелыми глазами, с прямым тонким носом, рябоватый, с крутой ломаной бровью, не то очень злой, не то красивый. Смахивал на какую-то птицу».

В.М. Шукшин добавляет к этому портрету Пашки новые краски, описывая его появление в сельском клубе, в библиотеке: *«Сдержанно-веселый, яркий: в бордовой рубаше с распахнутым воротом, в хромовых сапогах-вытяжках, в военной новенькой фуражке, из-под козырька которой русой хмелиной завивался чуб».* Двигается стремительно, пластичен *«изящно поклонился»*, *«стал выделять такого черта»* (в танце); *«попросил у Прохорова вышитую рубашу, перепоясал ее синим шелковым пояском с кистями, надел свои диагоналевые синие галифе, бостонный пиджак».*

Пашка родом из кержаков, откуда-то с верхних сел по Катуну, но решительно ничего не усвоил из старомодного неповоротливого кержацкого уклада.

Основные особенности его характера: эмоциональность, импульсивность, гибкость, оптимизм, позитивный настрой, чувство юмора, находчивость, решительность, азарт, стремление к риску, настойчивость, прямота, артистизм, самоуверенность, демонстративность, франтовство, хвастливость, наивность, порядочность.

2. Анализ вербально-семантического (собственно языкового) уровня языковой личности:

В своей речи герой использует:

- слова с уменьшительными суффиксами, например, –к: *мужички, пешечки* – в случае проявления симпатии или снисходительного отношения к упоминаемым людям;

- стремясь показать свое пренебрежительное отношение к людям или ситуациям, использует слова с суффиксом –ишко, имеющим оттенок уничижительности: *инженеришка, клубишко, кинишко*;

- сложные слова типа *очковтиратель* употребляет нечасто, козыряя их знанием, особенно перед значимыми для него людьми, например, перед девушкой, которой хочет понравиться.

3. Характеристика лексических предпочтений личности

Речь Пашки отличается своеобразием. Её можно в определённом смысле назвать богатой.

- Он любит употреблять иностранные слова, которых в его словаре довольно много, что не характерно для сельского жителя того времени (действие рассказа происходит в 50-е гг.) *аплодисменты, идеал, интеллигент, капитал, Карл Маркс, комедия, кошмар, пирамидон, реклама, сэнкю, физиономия, факт, шанс*. Иногда употребление слова некстати: «*Согласен, говорю! Пирамидон!*», хотя в основном, герой понимает значение слова и употребление его адекватно: «*Егорыч, на – рубаху! (отдает взятую займы рубаху) Сэнкю!*» или: «*Я влюблен, так. Это факт, а не реклама*».

Такое разнообразие можно объяснить еще и тем, что Пашка – очень общительный по своей природе человек, много и часто ездит, встречается с разными людьми, и, как губка, впитывает то новое, что видит и слышит от других.

- Будучи не слишком образованным, персонаж часто использует просторечные слова: *баба, батя, дурацкий, забегаловка, мужики, накостылять, надуваться, наплевать, рубаха, сроду, то-се, трепаться, хахаль, хата, фраер* и др.

- Речь Пашки все же нельзя назвать бедной еще и потому, что в ней встречается большое количество фразеологизмов: *наступить на мозоль; крестись, если кажется; сделать одной левой; ваша не пляшет; в жизни раз бывает 18 лет...* (фраза из популярной в то время песни); *ревушка-коровушка, проглотить*

язык; шумит Москва; раз-два-и готово! будет цирк; на полном серьезе; на ночь глядя; не помнить себя от радости.

Фразеологизмы и идиоматические выражения со значением качественной оценки действий и манеры поведения человека необходимы говорящему для выражения самооценки или своего отношения партнеру, собеседнику.

Реже встречаются выразительные средства речи, но все же они есть: *сердце разрывается, как осколочная граната*.

- Для героя часто характерен прием иронии: «*Я ваш новый прокурор. Порядок приехал наводить*» (обращаясь к парням у клуба); «*Грустные стихи сочиняешь?*» (обращаясь к сопернику).

- Пашка человек эмоциональный, хотя и умеет, когда требуется, контролировать себя. Маркерами его волнения, желания доказать свою значимость, либо желания убедить другого в правильности, окончательности его решений, поступков часто являются такие слова как «*сфотографировано, пирамидон*». Эти слова являются его «фирменными», они универсальны для героя и заменяют ему недостающие в его лексике определения.

4. Характеристика морфологических предпочтений личности

- В речи персонажа много существительных и глаголов (около 70%), меньше прилагательных, наречий, местоимений и числительных (кроме указания на собственную дату рождения и счета *раз-два*). Не так много и имен собственных: это собственное имя, отчество и фамилия героя (*Пашка, Павел Егорыч, Холманский*), *Капитал* (название книги), *Карл Маркс* (имена мыслителей), имена близких и знакомых (*Егорыч, Маруся, Саша*); географические названия (*Салтон, Листвянка, Москва*);

- Большое количество личных и указательных местоимений в разных падежных формах (напр., *Я*- 18 раз)

- Мало деепричастий и причастий, соответственно, причастных и деепричастных оборотов (последние отсутствуют)

- В речи персонажа встречаются нарушения грамматической формы например: *Предлагаю на тур вальса; устраивать аплодисменты*.

5. Характеристика синтаксических предпочтений личности

Синтаксис в речи довольно однообразный.

- В разговоре герой чаще всего использует простые, неосложненные, неполные предложения: (*Уважаю скорость // Жена должна чувствовать*).

Его речь, в общем-то, немногословна, но насыщена побудительными и восклицательными предложениями: *«меня-то?» // «Значит, клубничко имеется?» // «Что за дивчина?» // «Кроссвордами занимаемся?» // «Сыграем в пешки?»* Или: *«Кошмар!» // «Жена должна чувствовать!» «Давай-давай!» // «Не трус, дядя!» // «Одевайся!» // «На-кофту!» // «Садись, ревушка-коровушка!»*

- Среди его синтаксических конструкций преобладают двусоставные неосложнённые предложения, практически не встречаются сложные.

- Пашка очень немногословен, часто его речь предельно кратка: *«Бывает,- согласился Пашка,- вот пожалуйста-очковтиратель. Кошмар!»* или *«Это конечно. Я так просто».*

Характеристика элементов когнитивного уровня языковой личности

Персонаж (Пашка Холманский) родом из деревни, но оторвался от нее и не является колхозником, крестьянином. Представления его об окружающем мире, тем не менее, достаточно патриархальны: он мечтает о семье, заботливой жене, которая любит и ждет его, главу семьи, добытчика, дома.

Основные смыслы, идеалы.

- Глава семьи, хозяин.

(Жена должна чувствовать! Если я прихожу домой, усталый, грязный, я первым делом должен видеть энергичную жену. Она мне весело: Здорово, Павлик! Ты устал?). Вместе с тем он не особенно готов хранить верность жене, если она, по его мнению, чем-то его не устраивает: *«А если она грустная, кислая, я ей говорю-пирамидон. И меня потянет к другим».*

- Хороший, порядочный человек (добрый, отзывчивый).

Он часто готов помочь другому человеку, но при этом не забывает и о своем интересе: быстро соглашается помочь в посевной и уезжает в другое село, узнав, что там есть клуб: *«Согласен, говорю! Пирамидон»*.

Поняв, что Настя любит другого, уважает ее чувство и мирит влюбленных: *«Поедем к нему. Я объясню эти московским фразерам, что такое любовь человеческая...»* Вместе с тем, он доволен собой, своим благородством и теперь уже быстро начинает чувствовать себя из побежденного победителем, хозяином ситуации, но он еще скрывает свое недавнее замешательство и боль: в его речи звучат несерьезные угрозы: *«Считаю до трех.. а то целоваться полезу!..»*, команды *«Одевайся! На-кофту!»*; приказы: *«Значит так-веди ее сюда.»*

Первый парень на деревне (уверен, что ему ни в чем не будет отказа). Быстро осваивается в незнакомой обстановке, ведет себя напористо, задает вопросы, не особо заботясь о том, понравится ли он местным, опасно шутит, его речь изобилует большим количеством вопросительных и повелительных предложений:

«Что за дивчина? Как здесь население... ничего?»

«Я вас провожаю сегодня до хаты. Вы мне нравитесь»

«Я ваш новый прокурор. Порядок приехал наводить»

«Вы что, языки проглотили? Креститесь, если кажется»

«Я интеллигентов одной левой делаю»

Характеристика элементов мотивационного уровня языковой личности

Анализируемая личность – Пашка Холманский, водитель, общается с разными людьми: председателем колхоза; его женой; местными парнями у клуба; девушкой Настей-сельской красавицей; ее женихом, инженером из столицы; стариком-сторожем; попутчиками-девушкой и парнем. Его манера общения разнообразна: он не слишком-то робеет перед незнакомыми людьми: *«Не трусь, дядя!»* (председателю, человеку старше его); жене председателя – назидательно: *«Жена должна чувствовать!»*; с местной молодежью – развязен и задирист *««Вы что, языки проглотили? Креститесь, если кажется»*; с Настей – сначала, желая ее взять штурмом, -напорист и демонстративно вежлив, пытается делать комплименты: *«Я такой идеал давно искал»*

«Вы мне нравитесь», «Здесь курить, конечно, нельзя?» затем, в конце рассказа, после получения отказа – решителен и снисходителен «Поедем к нему. Я объясню эти московским фраерам, что такое любовь человеческая...»; мягок и ласков «Чего ты плачешь? Ревушка-коровушка!»; в общении с женихом он ироничен, насторожен, часто меняет тему разговора, стремясь разоблачения, старается взять инициативу в свои руки: «Шумит Москва, шумит... Люблю смешные журналы!».

Исследуемые тексты содержат маркеры коммуникативных потребностей.

Виды коммуникативных потребностей	Языковые маркёры
Контактоустанавливающая	<p>-формулы приветствия: <i>Здравствуйте!</i>;</p> <p>-различные виды предложений, стимулирующих собеседника к общению: <i>Побеседуем, как желтьмены; Прошу ходить.</i></p> <p>-вопросительные конструкции, поддерживающие беседу <i>Как здесь население...ничего?; Кроссвордами занимаемся?; Здесь курить, конечно, нельзя?; Испугалась?;</i></p> <p>-сопутствующие слова, позволяющие поддержать и продолжить разговор «Ну», «Так» «Что»</p>
Информационная	<p><i>Уважаю скорость;</i></p> <p><i>Да... помочь мужичкам надо;</i></p> <p><i>Холманский Павел Егорыч. Год рождения 1935, водитель-механик второго класса;</i></p> <p><i>Люблю смешные журналы;</i></p> <p><i>Я влюблен, так?;</i></p> <p><i>Мне можно съездить по физиономии, так? Но вот слова эти дурацкие я не перевариваю.</i></p>
Воздействующая	<p><i>Давай-давай!;</i></p> <p><i>Не трусь, дядя!;</i></p> <p><i>Ваша серость меня удивляет;</i></p>

	<i>Эй, товарищ, убери свою голову!; Послушайте, вы!.. Молодая, интерес- ная...; Значит, так: веди ее сюда; Ладно, батя, я тороплюсь.</i>
--	--

Герой рассказа очень общительный человек, который легко устанавливает контакт с любыми незнакомыми людьми, умело его поддерживает, часто проявляет в беседе инициативу, стимулирует контакт, постоянно задавая вопросы или давая оценку кому или чему-либо. При этом, теряя интерес к собеседнику или ситуации, он легко выходит из контакта, не особенно заботясь о последствиях. В объяснениях он краток *«Пусть эту комедию тигры смотрят»* (уход с просмотра фильма); *«Ладно, батя, я тороплюсь»* (словоохотливому сторожу); *«Прости меня, но я не виноват»* (оправдывая свой внезапный отъезд с уборочной).

На основании проведённого нами анализа можно сделать следующие выводы.

1. Речь героя рассказа В.М. Шукшина Пашки Холманского несложная, не отличающаяся большим разнообразием. Встречаются нарушения различных видов литературной нормы.

2. Морфологические особенности устной речи персонажа свидетельствуют о ее близости к разговорной, даже просторечной.

3. Персонаж рассказа немногословен, часто его речь предельно кратка.

В разговоре он чаще всего использует простые двусоставные неосложненные предложения. При этом его речь эмоциональна, что проявляется даже на синтаксическом уровне: она насыщена вопросительными и восклицательными предложениями.

4. Речь Пашки отличается определённым своеобразием: он любит употреблять иностранные слова, которых в его словаре довольно много, что нехарактерно для сельского жителя того времени. Будучи не слишком образованным, этот герой часто использует в речи просторечные элементы. Кроме того, в ней встречается большое количество фразеологизмов, средств выразительности, основным из которых является приём иронии, и др.

На основании типологии В.Б. Кашкина (2007), в которой автором выделены доминанты, актуальные для коммуникативной

личности, мы охарактеризовали данного литературного героя как доминантного коммуниканта, стремящегося завладеть инициативой, не любящего, когда его перебивают, резкого, насмешливого, а также коммуниканта мобильного, легко входящего в разговор, меняющего тему, не теряющегося в незнакомой ситуации общения.

Литература

Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/240/003.pdf>

Богин Г.И. Современная лингводидактика. – Калинин, 1980.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Л., 1984.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М., 1930.

Дронсеика Р.П. Понятие языковая личность. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/13_NPT_2008/Philologia/31792.doc.htm

Иванова Е.Н. Проблемы изучения языковой личности.- Екатеринбург, 2014 а.

Иванова Е.Н. Морфологические предпочтения исторической языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. – 2014 б. - № 1.

Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования// Вестн. Том.гос. ун-та. Филология. -2010. - №4.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. /Отв. ред. член-кор. Д.Н. Шмелев. – М., 1987.

Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. – М., 2007.

Мурзин Д.Н. Антропологическая ниша в языковой науке//Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург, 1995.

Энциклопедия «Русский язык»/под ред. Ю.Н. Караулова.- М.,1997.

© Воробьев А.М., 2015

© Воробьева С.Д., 2015

Н.И. Григорьева
Екатеринбург

УДК 81'373.2:784.96
ББК Ш105.316+Щ315.2

**Приемы и способы создания названий музыкальных групп:
тенденции в номинации**

Статья посвящена приёмам и способам названий музыкальных групп. На выбор названия влияют факторы, обусловленные ситуативными и личностными характеристиками номинатора. **Ключевые слова:** ономастика, названия музыкальных групп, номинация.

N.I. Grigorieva
Yekaterinburg

**The techniques and methods of creating names of musical bands:
tendencies in nomination**

The article is devoted to the names of musical bands. The author reveals that the choice of the name is influenced by the factors determined by situational and personal characteristics of a nominator. The author describes the methods and techniques of creating the names studied.

Key words: onomastics, names of musical bands, nomination.

Актуальность исследования обусловлена общетеоретическими задачами современной лингвистики, активным изучением в современной науке проблемы взаимосвязи языка и культуры, в частности, например, отражением социокультурных ценностей субкультур в языке. Также актуальность нашего исследования заключается в том, что названия музыкальных групп являются одним из элементов вербального идентификатора музыкальной субкультуры. Исследователи отмечают, что «основной задачей лингвокультурологии и этнолингвистики применительно к ономастическому материалу является исследование и описание механизмов, на основе которых осуществляется взаимодействие

онимов как единиц языка с семантикой культурного кода» [Щербак 2009: 151].

Цель – описать приемы и способы создания названий музыкальных групп.

Объектом настоящего исследования являются лингвокультурологические особенности названий музыкальных коллективов.

Методологической базой исследования являются труды лингвистов, посвященные проблемам ономастики и лингвокультурологии (М.В. Голомидова (1998), О.А. Горбачев (2005), Т.А. Гридина (1996), А.М. Емельянова (2007), В.И. Карасик (2004), В.Г. Костомаров (1999), И.В. Крюкова (2004), А.К. Матвеев (2006), Т.В. Романова (2006), А.В. Суперанская (1969) и др.).

Материалом для исследования послужило 20 названий музыкальных групп, созданных в Свердловской области. Источники материала – сайты «Урал-рок» и «Старый новый рок», музыкальные энциклопедии и интернет-сайты музыкальных групп.

Создание номинативных единиц является частью осознанной творческой деятельности людей. Мы считаем, что, исследуя наименование музыкального коллектива, его внутреннюю форму, мы имеем возможность увидеть факты познания мира представителей данной субкультуры, отражение социокультурных ценностей в языке.

Данная группа онимов (названия музыкальных коллективов) является одним из элементов вербального идентификатора, т.е. текстообразующим элементом, поскольку название несет информацию о мире каждого из представителей пространства изучаемой субкультуры: его личности, мироощущении, творческой потенции, пристрастиях и неприятии различных объектов бытия. Невербальный идентификатор – использование, например, символов в графическом оформлении названий музыкальных групп (далее – НМГ).

Отличительные признаки НМГ:

1. Структурно-семантическое разнообразие («в качестве названий [организации, фирмы и др.] может использоваться любая языковая единица – от отдельного графического знака, до целого предложения» [Крюкова 2007: 120]). А.К. Матвеев в рамках вопроса о лингвистическом статусе собственных имен указыва-

ет, что «именник использует разные средства языка. Имена, будучи знаком выделения предмета из ряда подобных, может быть и словом, и словосочетанием, и предложением. И потому они выходят за рамки лексики» [Матвеев 2006: 5].

2. Нестабильность названий

Название музыкальной группы может изменяться довольно быстро вследствие каких-либо экстралингвистических факторов в сравнении с теонимами или топонимами. И.В. Крюкова отмечает, что эта черта связана «напрямую с переменами в социально-экономической жизни, психологической установке носителей языка, их языковом вкусе, господствующей в данный период языковой моды» [Крюкова 2007: 121].

Изменчивость названий музыкальных групп отмечается как на формальном, так и на содержательном уровнях. О.А. Горбачев приводит в качестве примера группу «Аквариум», основателем и лидером которой является Борис Гребенщиков: «Написание названия имитировало клинопись, славянскую вязь, готику, арабское письмо, иероглифы, отсутствовало вообще и так далее и так далее. Сам Борис Борисович на обложках сольных альбомов фигурировал как – Борис, БГ, Борис Гребенщиков, BORIS GREBENSHIKOV; В.Г.; Б.Г., не говоря уже о шрифтах». Автор считает, что это связано со способом выражения концепции не всего творчества, а в локальном смысле с идеей, концепцией альбома, которая может быть «выражена разными способами, в том числе и необычным написанием названия команды. Однако, здесь важно другое. В этом случае концепция не только определяет написание, но и трансформирует само название» [Горбачев 2005: 129]. Другой пример, группа, образованная Ю. Шевчуком, может изображаться двояким способом: 1) латиницей – «DDT»; 2) с помощью русской графики – «ДДТ».

На содержательном уровне изменения примечательны в названиях групп, лидером которых являлся Гарик Сукачев. Группа, образованная им, называлась «Бригада С» (1986), в энциклопедии «Русский рок» отмечается, что некоторое время название звучало как «Бригада СГ» (указывая на двух лидеров группы Сукачева и Галанина – аббревиатура, зашифровка), но после конфликта между группой и ее лидером, музыканты «Бригады

С» ушли из этой группы и создали свою, которая получила название «Бригадиры» (1989) [Русский рок 2007]. Здесь интересно переопределение, если раньше в названии группы была указана принадлежность (бригада – какая, чья?), то теперь, получив новое название, участники группы стали активными субъектами, лидерами.

НМГ являются следствием искусственной номинации. В данном акте большую роль играют факторы, обусловленные личностными характеристиками номинатора и ситуативными характеристиками. Например, название «Тут Лес Тут Поле» может трактоваться по-разному, в данном случае только знание контекста, в рамках которого создавалось название, может объяснить появление этого названия. На выбор анализируемого названия повлиял экстралингвистический объективный фактор, а именно ситуация, в которой протекал акт номинации: «Дело было летом 2012 года, то есть, после распада группы "OtherDay", но до образования группы "ТЛГП". Мы с моей девушкой Дарией возвращались с небезызвестного рок-фестиваля "Нашествие". Ехали мы поездом, маршрут «Москва-Екатеринбург». Это около 28 часов езды в душном, пыльном, наполненном неприятными людьми плацкарте. Пейзаж за окнами все время довольно однообразный. Вскоре моя спутница и сама это подметила, на что, саркастически вздохнув, сказал: "Ну да, тут лес, тут поле". Почему-то эта фраза нам запомнилась, после этого мы еще несколько раз ее обыгрывали. Через некоторое время после возвращения мы, я и Евгений Соколов, начали думать над созданием новой группы. Одним из самых тяжелых частей размышления было название для группы. Тогда-то я и вспомнил ту запоминающуюся, многозначительную фразу, сказанную мной в поезде. Евгений согласился, и 28 сентября 2012 года я открыл группу в соц. сети "Вконтакте", которая называлась, как вы уже догадываетесь, "Рок-группа "Тут Лес Тут Поле"». Так, собственно, это и прижилось [А. Панкромов-Черный 2009].

К сожалению, при анализе НМГ часто трудно выявить мотивировочный признак, положенный в основу, в связи с отсутствием дополнительной информации.

Большую роль играют субъективные факторы, обусловленные личностными установками, ценностями номинатора. «Индивидуальность авторства – отличительная особенность искусственной номинации. Авторские апеллятивы – редкие» [Крюкова 2004: 95]. Например, мы полагаем, название группы «МЭр-рИ» является отсубъектным названием, т.к. имя Мэри – англоязычный вариант имени Мария (имя участницы группы Мария Кокшарова (тексты; музыка; голос)).

Личные интересы могут повлиять на создание названий творческого коллектива. Например, можно предположить, что название группы «QUSTO» происходит от фамилии известного французского исследователя, фотографа, режиссера, автора множества книг, документальных фильмов Жак-Ив Кусто и имеет видоизмененную форму (фр. Jacques-Yves Cousteau → Кусто → QUSTO). На странице данной группы в социальной сети в аватарке используется фотография данного исследователя, используется изображение осьминога и указан статус «у нас длинные щупальцы!», косвенно отсылающий к теме океана.

Также отметим название группы «Красная скрипка» (инструментальная группа профессионального музыканта Александра Рассказова, образованная в 2013 году). По преданиям красную скрипку называют самым совершенным музыкальным инструментом, когда-либо созданным руками человек. Эта идея отражена в фильме «Красная скрипка» (The Red Violin, 1996), в котором показывается «история скрипки, созданной в семнадцатом веке итальянским мастером Николо Буссоти и покрытой лаком, смешанным с кровью жены... Созданная скрипка загадочным образом вершит судьбы своих владельцев, даря и отнимая любовь, а порой и саму жизнь». Существует мнение, что в основу фильма легла скрипка Страдивари The Mendelssohn (скрипка кроваво-бордового цвета).

И.В. Крюкова отмечает, что названия музыкальных групп, как и названия ночных клубов, выделяются среди объединений людей своей адресованностью не массовому адресату, «а на вкусы, правила и привычки, существующие в рамках отдельных субкультур. Например, ...молодежные субкультуры» для которых характерно «игровое начало, неприятие официоза, раскованное

поведение», отсюда эпатажность и ироничность названий. Например, «Панки по пьянке» – заявлена субкультура, к тому же это подчеркивается эпатажной юмористической рифмой.

Одним из приемов номинации является обращение к понятиям из научной сферы. Например, группа «Cosmic LATTE» пишет: «Название группы родилось из вопроса, которым задаются только астрономы и романтики. Какого цвета Вселенная? Чтобы определить это, астрономы усреднили цвета всех галактик. Усредненный спектр вселенной получил название cosmiclatte – "космическое кофе с молоком"... "Cosmic LATTE" – это группа единомышленников, посылающих сигнал из запутанно-построенной темноты вселенной к нам, на Землю» (<http://vk.com/cosmic.latte>). Или название группы «RED DELISHES» отсылает нас к сфере ботаники, где это словосочетание используется для наименования сорта яблок Ред Делишес (латинское название *reddelishes*). Примечательно, что в публикации про данную музыкальную группу встречается буквальный перевод: «красные деликатесы».

Способы номинации:

1. Нарушение предметно-логических связей в сочетаниях, соответствующих грамматическим нормам русского литературного языка: Данный прием называется «катахрезой (или катакрезой). «Катахреза – троп, «тропеическое сочетание в одной синтагме двух или нескольких несовместимых, но не контрастных слов» (цит. по [Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные ... 2005: 154]). Слова употребляются «в значениях, не принадлежащих им с предметно-логической точки зрения, обычно в силу того, что сопоставляемые предметы и явления отражаются в сознании, поступая по совершенно разным каналам восприятия, объединяемых лишь на основе общего впечатления и оценки» [Хазагеров 1994: 143]. Исследователи отмечают, что «наиболее ярким способом лексико-семантической креативности является необычная сочетаемость слов – от нестандартных авторских эпитетов до катахрезы, сочетания семантически принципиально несопрягаемых слов» [Карасик 2004: 52].

2. Трансонимизация – переход имени собственного из одного ономастического класса в другой. При номинации музыкальный групп, использоваться могут как собственные имена реальных, так и вымышленных лиц, названий географических объектов. Как правило, эти названия символичны, коннотативны.

Например, название группы «GEFSIMANIA». Гефсимания (букв «масличный пресс») – местность (или село) у подножия западного склона Елеонской горы, в долине Кедрон, восточнее Старого города Иерусалима (в Восточном Иерусалиме), в Израиле. Согласно Евангелиям, это место, куда приходил с учениками, в котором молился перед арестом, был предан и арестован Иисус Христос (Мф. 26:36-57; Мк. 14:32-53; Лк. 22:39-53; Ин. 18:1-13). «Гефсимания, т. е. пресс для масла, небольшое селение с садом вне Иерусалима у западного подножия Масличной горы, куда часто удалялся наш Спаситель, и где Он перенес невыразимые душевные муки в ночь, когда был предан (Мат. 26:36; Мар. 14-32). Гефсимания находится по ту сторону Кедронского потока (Иоан. 18:1), где донныне показывают окруженный каменными стенами масличный сад, называемый Джесмание» (Э. Нюстрем. Библейский энциклопедический словарь, 1868 г. (репринт М.: Локид-пресс, 2005)

<http://interpretive.ru/dictionary/558/word/gefsimanija>).

3. Онимизация заимствованного апеллятива

В последнее время все большую популярность приобретает данный прием. И.В. Крюкова отмечает в эргономии сейчас наблюдается две противоположные тенденции. С одной стороны мы видим активное использование иноязычной лексики (особенно это было популярно в 90-е годы), с другой стороны – возвращение к архаичным формам русского языка, обращение к понятиям, которые устарели.

Может быть использовано англоязычное слово / словосочетание без изменения в орфографии и без изменения формы слов: «theWays» и «NewFamily». Может быть изменена орфография иноязычного слова, например, «Gazoliners» (англ. «gasoline» – бензин / бензиновый).

Название «Айфо» образовано, скорее всего, путем транслитерации. В английском языке слово IFO является многозначным:

- американизм: *IdentifiedFlyingObjects* (неопознанная летающая тарелка);
- военный термин: *identifiedflyingobject*, *interphone*;
- техническое понятие: *improvedfiberoptics*, *informationsystemsoffice*;
- экономическое понятие: Индекс делового оптимизма по Германии ;
- нефть: жидкое бункерное топливо средней вязкости (*intermediatefueloil*);
- медицинское понятие в сфере онкологии: *Ifosfamide*;
- транспорт: *IndoorFlyingObject* ;
- нефтегазовая техника *injectionfall-off (test)*;
- чат: *I FellOff* ;
- аэропорты: IvanoFrankovsk, Ukraine.

4. Словообразовательный способ

- сложение: «Альфа-мандарин» (ср.: в мандарине содержится альфа-лимонен);

- сочетание русских и иноязычных морфем (квазиморфем).

Также в русскоязычных словах используются иноязычные элементы (как правило, латиница) для выделения нового элемента-слова, имеющего определенную символику. Например, НМГ «АДИНОЧЕСТВО» (нарушены нормы орфографии, используется латиница D, в одном названии совмещаются смыслы двух слов «АД» + «одинокчество»).

Д.В. Пьянкова отмечает, что «английские языковые единицы употребляются не как факт заимствования, а как факт творчества, когда русские языковые средства с точки зрения номинатора оказываются недостаточными для выражения мысли. Тем не менее, используя английские языковые средства, номинатор всегда ориентирован на механизмы, сложившиеся в рамках русского ономастического пространства, и на языковую картину мира, характерную для носителя русского языка» [Пьянкова 2007: 164].

Таким образом, можно отметить в качестве тенденций в номинации музыкальных коллективов разнообразные приемы и способы создания НМГ на разных уровнях языка.

Литература

Алексей Панкромов-Черный (Человек из ТЛТПизора). История названия «Тут лес. Тут поле». 19.09.2013. Режим доступа: <http://alexeysolovjov.livejournal.com/1681.html>

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: монография / Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1998.
Горбачев О.А. Формальные и содержательные аспекты ономастической графики русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. - Тверь, 2005. - Вып. 8. – С. 120-128.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография / Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1996.

Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): автореф. ... к.ф.н. – Уфа, 2007.

Крюкова И.В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды // Этнографическое обозрение, 2007. - № 1. – С. 120-131.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография. – Волгоград, 2004.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1988.

Пьянкова Д.В. Названия музыкальных коллективов рок- и «хеви металл»-направлений в ономастиологическом аспекте // Ономастика и диалектная лексика: Сб.науч.тр. Вып. 6 / под ред. проф. М.Э. Рут./ Урал.гос. ун-т.- Екатеринбург, 2007. – С. 161-173.

Романова Т.П. Проблемы современной эргономии // Филология, Вестник СамГУ. – Самара, 1998. - № 1.

Романова Т.П. Эволюционные процессы в области современной российской эргонимической терминологии // Вопросы ономастики // Урал.гос.ун-т. - Екатеринбург, 2006. - № 3. - С. 76-83.

Трифорова Е.А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов) - Волгоград, 2006.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – М., 2005.

© Григорьева Н.И., 2015

М.А. Караваяева
Екатеринбург

УДК 37.016:811.161.1'38
ББК Ш141.12-9-55

**Средства выражения семантики сомнительности
в разговорной речи студентов: экспериментальные данные**

В статье представлены данные экспериментального исследования, в котором рассматриваются средства выражения семантики сомнительности в речи студентов. Экспериментальным путем выясняется, какие средства выражения данного значения являются наиболее частотными в разговорной речи студентов. Делается вывод о преобладании вербальных средств, подтвержденный экспериментально, объясняются причины этого преобладания.

Ключевые слова: сомнительность, вербальные и невербальные средства выражения, эксперимент, разговорная речь студентов.

M.A. Karavaeva
Yekaterinburg

Means of expression of the semantics of doubtfulness in the
speech of students: experimental data

The article presents data of experimental research, which examines the means of expressing the semantics of the ambiguity in the speech of students. Experimentally it turns out, what means of expression of this value are most frequent in the colloquial speech of students. Concluded that the prevalence of verbal means experimentally verified. Explain the reasons for this predominance.

Key words: doubtfulness, verbal and nonverbal means of expression, experiment, speech of students.

В нашем исследовании мы использовали экспериментальные методики, позволяющие проверить, какими средствами выражают семантику сомнительности в своей речи студенты.

Предметом нашего рассмотрения является семантика сомнительности и способы ее выражения, используемые в разговорной речи.

В ходе эксперимента мы поставили цель определить, какие способы выберут респонденты: вербальные, невербальные или будут сочетания вербальных и невербальных способов.

Гипотеза: респонденты выберут преимущественно вербальные средства, а невербальные будут их дополнять.

Задание к экспериментам было предложено испытуемым в письменной форме.

В первом эксперименте предлагалось вербально и невербально выразить сомнение по поводу сказанного. Ситуации были подобраны так, чтобы вызвать сомнение у респондентов. Количество реакций не ограничивалось.

Во втором эксперименте респондентам предлагалось выбрать из списка ту реакцию (или несколько реакций), которая выражала бы сомнение. Количество реакций не ограничено и может дополняться на усмотрение респондентов.

Участникам экспериментов были даны карточки с заданными стимулами и инструкцией. Было определено задание и время проведение – не более 5 минут. Респондентов мы попросили выполнить задание, предложенное в инструкции.

Для первого эксперимента инструкция звучала следующим образом: «Как бы вы невербально и вербально выразили свое сомнение, если бы вам сказали, что

*стипендия с сентября 2015 года вырастет в 50 раз?
во всех аудиториях будет сделан евроремонт?»*

Респонденты могли выразить сомнение одним из предложенных способов или использовать оба приема.

Для второго эксперимента была выбрана одна ситуация: «Представьте: вам сообщили, что стипендия вырастет с сентяб-

ря 2015 года в 50 раз. Как бы вы выразили сомнение?». Комментарии к заданию были такими: «Выберите из предложенных реакций ту, которую вы использовали бы в этом случае; можно выбрать несколько средств в определенной последовательности; количество реакций может быть вами дополнено». На выбор предлагались следующие средства:

- *может быть,*
- *пожать плечами,*
- *неужели?,*
- *сомневаюсь,*
- *вряд ли,*
- *почесать затылок,*
- *развести руками,*
- *хм (зм),*
- *потереть нос*

Мы постарались отобрать для этого задания наиболее частотные реакции, которые проверили экспериментальным путем ранее.

Для каждого эксперимента мы опросили 25 студентов ИФК и МК УрГПУ.

Рассмотрим результаты первого эксперимента. Для этого разделим полученные ответы на три группы: вербальные, невербальные и смешанные реакции.

Отметим, реакцию «смех» мы определили как невербальную, потому что под вербальными средствами общения мы понимаем речевое общение, человеческую речь, передаваемую с помощью определенных знаков.

Вербальные реакции	Невербальные реакции	Смешанные реакции
<p><i>Такое невозможно;</i> <i>Да, конечно!;</i> <i>Ни за что не поверю!;</i> <i>Ну-ну! После дождичка в четверг.;</i> <i>Че вдруг?;</i> <i>Это у нас-то?;</i> <i>Несмешная шутка;</i></p>	<p><i>Посмеялась бы (2);</i> <i>Пожать плечами;</i> <i>Подняла бы брови, насколько это возможно;</i> <i>Я бы саркастически промолчала;</i> <i>Сначала посмеялась, потом вопросительное лицо,</i></p>	<p><i>Засмеялась бы и сказала, что это приснилось;</i> <i>Кричат и смеяться от радости;</i> <i>Угу, конечно + скривить губы в ухмылке;</i> <i>Серьезно? И нахмурила</i></p>

<p> <i>Не верю; Это невозможно; Неплохо; Не будет; Лет через 300, может быть; Не верю в происходящее; Да неужели!; Очевидно, мы этого не увидим; Это нереально, невоз- можно; Скорее всего, это шутка это очень здорово! да ну! Не может быть было бы здорово Ого! Правда? Не может быть! Это здорово! Ну. Я рада Ахаха. Нет. Ничего себе</i> </p>	<p> <i>а потом грустное; Поднять брови вверх; Прыгала и хлопала в ладо- ши; Я бы махнула рукой и за- катила глаза; Некоторое замешатель- ство, затем провести бровью; я бы посмеялась и тяжело вздохнула улыбнулась бы улыбка танец радости упала в обморок</i> </p>	<p> <i>бы брови; Хехей!!! И затанцевала танец радости. Потом спросила: «Правда?» И повела бровями Широко открыть рот и глаза: «Что?» Ничего себе, я не верю! Не может быть и раз- вела руками Ух ты! Ого! Это прав- да? И выпучила глаза Сильно бы удивилась и обняла говорящего С недоверием бы по- смотрела на говоряще- го и сказала, что это здорово Ого, с ума сойти! Я бы выпучила глаза Палец, поднятый вверх (классно) и сказала: «Это не сон?»</i> </p>
--	--	--

Из таблицы видно, что вербальные реакции преобладают (24 реакции), следовательно, гипотеза подтвердилась, что объясняется тем, что наша мысль совершается в слове. Речевой процесс является частью общественной деятельности человека, с помощью речи устанавливается связь между собеседниками.

Эксперимент оказался показательным тем, что невербальные способы выражения сомнительности уступают вербальным. В объяснении причины выбора той или иной реакции респонденты писали, что «вербальная реакция быстрее», «первое, что пришло в голову».

Но сама форма проведения эксперимента подсказала его участникам выбор именно вербальных реакций, так как им предлагалось их записать, что труднее сделать с невербальными ответами.

Среди реакций больше всего получилось слов, принадлежащих к эмотивной категории (*ахаха, ого!, это здорово!, неплохо, ну-ну! После дождичка в четверг и др.*), как отмечает И. Г. Никольская. По её мнению, «сомнение относится как к интеллектуальной сфере субъекта, так и к его эмоциональной сфере» [Никольская: 2009]. В психологии эту категорию рассматривают тоже как эмоциональную. Наш эксперимент доказывает, что категория «сомнительность», действительно, относится к числу эмотивных категорий.

Рассмотрим результаты второго эксперимента. Ядро составили вербальные реакции: *сомневаюсь* (14), *хм(зм)* (10), *вряд ли* (9), *неужели* (9), *может быть* (2). Из тех, что дополнили информанты: *да ладно* (4), *ну-ну...*(2). В ядро невербальных реакций вошли такие: *покачать головой* (6), *развести руками* (4), *пожать плечами* (4).

Все единичные реакции представлены в таблице:

Вербальные реакции	Невербальные реакции	Смешанные реакции
<i>Я так не думаю</i> <i>Я в такое не верю</i> <i>Вы сами в это верите?</i> <i>Нам бы хоть в 1,5</i> <i>раза</i> <i>Не может быть</i> <i>Да ну</i> <i>Вы уверены?</i> <i>Да ты что!!!</i> <i>Сомневаюсь, что такое возможно</i>	<i>Посмеяться (2)</i> <i>Рассмеяться (2)</i> <i>Ухмыльнуться (2)</i> <i>Потереть нос</i> <i>Засмеяться</i> <i>Стало смешно</i> <i>Засмеялась бы</i> <i>Покрутила бы пальцем у виска</i> <i>Округлить глаза и схватиться за сердце</i> <i>Саркастически ухмыльнуться и приподнять бровь</i> <i>Повертеть пальцем у виска</i> <i>Рассмеяться в голос</i> <i>Усомниться в адекватности говорящего</i>	<i>Неужели + развести руками</i> <i>Неужели? (с сарказмом) развернуться и уйти</i>

Результатом этого эксперимента также оказалось большинство вербальных реакций (59), что в два раза превышает невербальные реакции. В задании два типа реакций были представлены в одинаковом количестве. Но выбор испытуемых оказался однозначным.

Невербальных реакций оказалось меньше. Исследования доказывают, что невербальные реакции несут в себе в пять раз больше информации, чем вербальные. Но большинство лингвистов считает, что словесный канал используется для передачи информации, в то время как невербальный – для выяснения межличностных отношений.

Мы принимаем оба этих утверждения, т.к. наш эксперимент доказывает зависимость между деятельностью человека, его социальным положением и реакциями на заданный стимул. Мы опрашивали студентов-филологов, которым приходится в силу своей деятельности много говорить, т.е. они имеют достаточно богатый словарный запас, что повлияло на выданные ими реакции. Студенты, не задумываясь, выбирали вербальные реакции, потому что они владеют таковым словарным запасом, красноречивостью, что не может не отразиться на выбранных реакциях. Исследователи отмечают, что есть зависимость между социальным положением человека и его способностью общаться. Так, например, человек менее образованный будет чаще использовать жесты, нежели полагаться на свой словарный запас [Пиз: 1992].

В знаменитой книге «Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам» А. Пиз не описывает жесты, которые могут означать сомнение. Он говорит об этом единожды, упоминая почесывание затылка, но утверждает, что этот жест может быть применим и к другим состояниям.

Эксперимент оказался показательным в этом плане. Нельзя, конечно, утверждать, что все реакции имеют отношение к сомнительности. Скорее, мы их отнесем к категории «достоверности/недостоверности». Например, реакции с семантикой смеха преобладают в обоих экспериментах (*посмеяться, рассмеяться, засмеяться, стало смешно* и т.д.). Это означает, что данная реакция характерна для невербального выражения сомнения рес-

пондентами. Реакции типа *ухмыльнуться, повести бровью* тоже встречаются часто.

Такие ответы можно считать невербальным выражением сомнения, потому что они встречаются в обоих экспериментах неоднократно в разных анкетах при одинаковых условиях проведения эксперимента.

Таким образом, в ходе эксперимента мы убедились в том, что количество вербальных реакций превышает количество невербальных, которые часто дополняют их.

Литература

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л., 1984.

Гоголина Т.В. Коммуникемы в речевой деятельности/ Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010.

Гоголина Т.В. Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке. – URL: <http://www.dissercat.com/content/funktsionalno-semanticheskoe-pole-somnitelnosti-v-sovremennom-russkom-yazyke>

Никольская И.Г. Семантика сомнения и способы её выражения в русском языке. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-semantiki-somneniya-v-sovremennom-russkom-yazyke>.

Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам. – М., 2007.

© Караваева М.А., 2015

Е.А. Кузнецова
Екатеринбург

УДК 81'42
ББК Ш105.51

Лингвистический анализ раёшного комментария к картине

В данной статье рассматривается дискурс раёшного представления в лингвистическом аспекте. Обосновывается необходимость обращения к методам лингвистического исследования устной речи (методам лингвопрагматики, теории дискурса и теории речевых стратегий) при изучении раёшных текстов.

Проводится анализ отдельного текста раёшного дискурса, который включает в себя анализ композиции текста и выявление речевых тактик, используемых раёшником.

Ключевые слова: лингвистический анализ текста, раёшный дискурс, речевые тактики.

E.A. Kuznetsova
Yekaterinburg

Linguistic analysis of raeshnik's comment to the picture

In this article the author examines the discourse of raek show (raeshny discourse) in the linguistic aspect. The necessity of recourse to methods of linguistic research of speech (methods of pragmalinguistics, discourse theory and the theory of speech strategies) of the study raek's texts are substantiated. The separate text of the raeshny discourse is analyzed. This analysis includes the analysis of the text composition and the analysis verbal tactics, that raeshnik uses.

Key words: linguistic analysis of text, raeshny discourse, verbal tactics.

Раёшное представление – один из самых интересных и неоднородных жанров русского городского фольклора XIX века, который являлся неотъемлемой частью зрелищ и действий русских народных гуляний и площадных городских увеселений. К рассмотрению художественных особенностей, и особенностей бытования райка обращались представители различных научных дисциплин (культурологи, литературоведы, фольклористы и др.). Однако до сих пор сами тексты раёшного представления (которые представляют собой комментарии к показываемым исполнителем картинкам в передвижном ящике) не рассматривались в лингвистическом аспекте.

Речь раёшника, как любая устная речь, была обусловлена совокупностью контекстов и различных факторов, влияющих на восприятие, понимание и интерпретацию произносимых высказываний, поэтому при изучении раёшных текстов мы обратились к методам лингвистического исследования устной речи,

которые рассматривают вербальные явления в связи с ситуацией общения, говорящим и слушающим, факторами, определяющими специфику их коммуникации в дискурсе. Нами был разработан план анализа целостной структуры жанра и входящих в его состав текстов с использованием методов лингвопрагматики, теории дискурса, теории речевых стратегий. Анализ отдельного текста дискурса раёшника включает в себя анализ композиции текста и анализ речевых стратегий и репрезентирующих их речевых тактик, т. е. позволяет выявить, какие текстовые факторы влияли на интерпретацию раёшного представления участником увеселения, какие способы воздействия на публику присущи данному жанру, наметить пути изменения представлений адресата о мире, системы и структуры имеющихся в сознании концептов.

Анализируемый нами материал представляет собой отдельные тексты целостного раёшного представления, изданного Карлом Губертом в 1848 году в виде развлекательной книги для домашнего чтения под названием «Рассказы Косморамщика или объяснение к 16 Картинкам, находящимся в Космораме» (нами было использовано репринтное издание, напечатанное в книге «Петербургский раёк» под редакцией А. М. Конечного в 2003 году [Конечный 2003: 23 – 55]). Содержание издания включает как вербальный, так и визуальный ряды (16 гравюр и 16 комментариев к ним) и дает возможность проанализировать и сопоставить картины с толкованиями раёшника. Представим анализ комментария к *Картине 1* под названием «*Пляшущий медведь*» (стр. 25), в котором описывается ситуация разыгрывания медвежьей комедии.

• **Картина 1 «Пляшущий медведь»**

1. Композиция текста. Композицию раёшного комментария к картине охарактеризовал в своей статье А.Р. Магалашвили. Исследователь показал, что с помощью особой композиции текста, тяготеющей «к изображению целостной картины процесса», раёшник в своем комментарии «оживляет картинку», создает впечатление разворачивающегося на глазах участника действия [Магалашвили Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/magalashvili1.htm>]. Это способствует вхождению участника раёшного дискурса в изображаемое раёшником пространство и

действие. Текст-комментарий раёшника к картинке включает следующие компоненты: преддействие (описание ситуации, приглашение участников), предыстория, начало действия, действие, финал, последствия. Но эта композиция достаточно условна, так как некоторые тексты могут описывать «сложные многоэтапные истории» [Магалашвили Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/magalashvili1.htm>], где после окончания одного действия может начаться другое. Опираясь на вышесказанное, охарактеризуем композицию анализируемого нами текста.

- Преддействие. Приглашение зрителей на представление, описание ситуации («Вот ученый медведь появляется. Публика над ним забавляется»).

- Предыстория: история ученого медведя – откуда появился («из дремучих лесов новгородских»), чем занимался («много переломал лошадей и коров господских», «разным танцам обучился»).

- Начало действия: обращение жоака к медведю в форме песни с просьбой поплясать, позабавить господ.

- Действие. Медведь дает представление (изображает детей, пьяного кума).

- Финал. Медведь подходит со шляпой к господам. Стоит отметить, что действие (начало, продолжение и финал) только подразумевается слушателем, представляется; в тексте нет прямого указания на совершаемые действия, но есть обращение поводчика к медведю (в форме вопроса, приказа) с побуждением их совершить.

- Начало второго действия. «Барин с барыней» стоят, глядят на медведя.

- Действие. Разговор барина, барыни, детей и поводчика.

- Финал. Господа и поводчик собираются расходиться («Детям пора идти в пансион. Ступай с богом, с медведем, Пахом!») Последствие (подразумеваемое) – господа и поводчик с медведем расходятся.

2. Анализ текста с точки зрения выявления речевых тактик

2.1. Тактики моделирования ситуации, «оживления картинки», развертывания действия. Для «оживления картинки» говорящий использует следующие приемы:

- Включение в текст фрагмента песни («Ну-тка, Миша, попляши, Позабавь-ко ты господ...»);
- Диалог персонажей (разворачивание театрального действия в тексте);
- Директивные высказывания поводчика медведей (т.е. высказывания, наделенные директивной иллюкутивной силой, направленной на побуждение адресата совершить конкретное действие); побуждение обращено к публике, медведю, персонажам, и направлено на представление участником райка конкретных совершающихся на их глазах действий (Ну-тка, Миша, попляши...»; «Встань и шляпу неси...»; «Пожалуйте, господа, не поспевайтесь, казной с нами поделитесь»);
- Косвенное звукоизображение: обращение персонажа (барыни) к собаке с приказом не нападать на медведя («Азорка, цыц, перестань») предполагает звуковое сопровождение действия (лай собаки).

2.2. Тактики, направленные на помещение слушателя в изображаемую ситуацию, обращение к активному воображению участника. В тексте используются приемы, которые дают участникам раёшного дискурса почувствовать себя участниками изображаемого раёшником действия.

- Указательные предложения («Вот ученый медведь появляется»; «Вот барин с барыней стоят»).
- Отождествление рассказчиком (раёшником) себя с действующим персонажем – поводчиком медведя (слова персонажа даются не в форме прямой речи, а как слова автора). В изображаемую ситуацию вводится сначала рассказчик, а затем – участники раёшного представления.
- Прямое обращение поводчика медведя как к публике-персонажу, отдельным персонажам, так и к реальной публике, как правило в директивной форме («Пожалуйте сюда, честные господа!»; «На Михайла Топтыгина поглядите, копеечку ему подарите!»; «Почтенный господа, простите, Михайлу Топтыгина не осудите!»).

2.3. Воздействующие тактики, способы донесения информации до слушателя с целью воздействия, использование различных коммуникативных ходов, речевых сигналов, которые могут иметь для воспринимающих личностное эмоциональное значение.

- Речевая тактика усиления. Направлена на увеличение эмоционального компонента значения слова, передачу личностного смысла значения от говорящего слушающему, обращение внимания на определенный компонент значения. Коммуникативным ходом здесь является использование соответствующего интенсификатора – усилителя смысла. С этой целью используются следующие языковые средства:

а) эмотивы (эмотивная лексика) – лексические и фразеологические единицы, используемые для выражения и названия эмоций и аффективных состояний. В тексте встречается несколько эмотивов. 1. *Забавляться* (в контексте: «Публика над ним забавляется»). Слово *забавляться* относится к эмотивной лексике, входит в функционально-семантическую группу «эмоциональное состояние». Значение слова: «увеселяться, тешиться, заниматься чем для одной потехи, ради скуки, для отдыха или от безделья»¹ - Т.I: С. 549. Здесь присутствуют семы «увеселение», «потеха» указывающие на эмоцию радости, выражаемой в смехе, склонности к забавам. 2. *Сожаление* (в контексте «Хотя из сожаления, пожалуйста ему на прокормление»). Слово *сожаление* относится к эмотивной лексике, функционально-семантической группе «эмоциональное отношение». Значение слова: «грусть, печаль, жаль по чём или о чём; сожаленье – меньшая степень огорченья» - Т.IV: С. 260. 3. *Страх берет* (в контексте «Как этот зверь ревет, меня даже страх берет!»). *Страх берет* – эмотивное фразеологическое сочетание, выражающее эмоциональное состояние. Значение фразеологизма: ощущать страх (страх – «страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия» - Т.IV: С. 336);

¹ Здесь и далее значения приводятся по [Даль 2000]. Выбор словаря обусловлен временем бытования текстов райка. После каждого толкования указываются том и страница.

б) прямые оценочные слова и выражения. В основном используются для характеристики публики и выражения отношения говорящего к публике: «*честные* господа», «господ *почтенных*», «*любезные* дети». Значения: 1. *Честные господа* – «милостивые государи» (честной – «уважаемый, почтенный» - Т.IV: С. 600); 2. *Почтенный* – уважаемый (ср. у Даля: «Почтенный человек, уважаемый» - Т.III: С. 371); 3. *Любезный* – «любимый, милый, возлюбленный, дорогой, к кому или к чему мы сердечно привязаны; любви достойный, заслуживающий расположение, сердечную привязанность» - Т.IV: С. 282. По отношению к медведю - оценочное выражение: «Хорош, мохнатый дурак!» Значение: хорош (хороший) – «добрый или путный, ладный, способный, добротный, дорогой, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству»- Т.IV: С. 561-562;

в) экспрессивы (экспрессивная лексика) – слова, значение которых содержит в качестве преобладающих смысловых интенсификаторы². Вся экспрессивная лексика в тексте используется для наименования ученого медведя, поэтому в данном пункте анализа соответствующие интенсификаторы мы рассмотрим наряду с другими номинациями медведя в тексте. В комментарии нам встречается 18 наименований медведя. В них включены такие обозначения, как: «ученый медведь» (так называли дрессированного медведя, который давал представление – медвежью комедию – под руководством своего поводыря), «Михайла Иваныч Топтыгин» (наименование встречается 2 раза, второй раз с небольшим изменением – «Михайла Топтыгин»), «Миша» (повторяется 2 раза), «медведь» (повторяется 2 раза). Михайла Топтыгин и Миша – традиционные фольклорные и народные шуточные наименования медведя. Также для референции используется личное местоимение 3 лица в различных падежах (он, над ним, ему, его). Экспрессивные наименования: 1. «Мохнатый дурак» («Хорош, мохнатый дурак!»); 2. «Зверь»

²Здесь мы принимаем условное разграничение эмотивов и экспрессивов в тех случаях, когда смысловые эмоции и интенсивности явно преобладают. В остальных случаях мы рассматриваем слова с ярким коннотативным потенциалом (включающие смысловые эмоции, оценки, экспрессии и образности) как эмоционально-экспрессивную лексику.

(«Как этот зверь ревет, меня даже страх берет!»); 3. «мохнатая тварь» («Экая мохнатая тварь! Палкой его хорошенько ударь!»).

1. Определение «мохнатый» по отношению к медведю используется в тексте 2 раза; в словаре В. И. Даля слово «мохнатый» приводится как одно из народных обозначений, прозвищ медведя. Слово «дурак» здесь может иметь 2 значения. Первое – «глупый человек [очеловечивание ученого медведя], тупица, тупой, непонятливый, безрассудный» – содержит негативную оценочную коннотацию (если взять значение в контексте, мы увидим противоречие, игровой контраст оценочных значений сочетающихся слов (хорош – дурак). Второе определение – «шут, промышляющий дурью, шутовством» - Т.І: С. 501– не имеет дополнительного личностного значения, а указывает на род деятельности обозначаемого данной лексемой, он смешит, забавляет народ. 2. Лексема «зверь» вне контекста не является экспрессивной, но попадая в определенное лексическое окружение приобретает дополнительную коннотативную сему с экспрессивным, оценочным значением. Но в словаре В.И. Даля значение слова «зверь» имеет дополнительные коннотативные семы: лютый, свирепый, дикий. Значение слова: «зверь»– «вообще, животное четвероногое, млекопитающее; дикое, лютное, плотоядное, хищное»; отмечается также, что зверем могли называть волка или медведя» - Т.І: С. 674. 3. Значение слова «тварь» – «скотина, животное» - Т.ІV: С. 395 – сопровождается пометой бранно. Исходя из названных особенностей номинации, можно заметить две противопоставленные тенденции в назывании медведя: 1) дикий, лютый страшный зверь и 2) фольклорный герой, забавный комический персонаж. Причем говорящему, как представителю народа, близка вторая тенденция. Первая выражается прежде всего «господами» (вспомним характеристику медведя, которую дает поводчик: медведь «много переломал лошадей и коров господских») (см. традицию эвфемизации).

• Речевая тактика контраста в данном тексте представлена с помощью противопоставления оппозитивных пар слов, характеризующихся стилистической несочетаемостью в пределах одного контекста (например, просторечное слово и слово высокого стиля): 1. Стилиевой контраст в речи поводыря. Оценки господ –

честные, почтенные, вежливые обращения: «пожалуйста», «не покуситесь», «простите», «не осудите» и в то же время грубая, бранная лексика: «урод», «дурак»; фольклорные, народные элементы речи: «из дремучих лесов новгородских», «шатается и по земле валяется». 2. Стилиевой контраст в речи «господ». Такие фразы как: «простыл уже кофей», «любезные дети», «пора идти в пансион», – и грубая, бранная, просторечная лексика: «зверь ревет», «страх берет», «мужик», «затки ему глотку», «мохнатая тварь».

Можно сказать, что метод анализа раёшного дискурса и включенного в него отдельного текста нами только намечен. Стоит обратить внимание на некоторые ограничения в анализе *речевых тактик* раёшного дискурса. Тактики можно разделять и сопоставлять с определенными компонентами текста, лишь с некоторыми оговорками. Во-первых, четкой классификации речевых тактик, которую можно применить к нашему материалу, нет (мы использовали описание тактик в работах лингвистов, изучающих рекламный, политический дискурс и повседневное общение – О.С. Иссерс и Т.А. Ван Дейка). Во-вторых, конструируемые во время общения тактики не разделены четко. Различные тактики могут взаимодействовать, выполнять аналогичные функции, подчиняться одной речевой стратегии и репрезентироваться в виде одних и тех же коммуникативных ходов. Стоит учитывать это при анализе речевых тактик, используемых раёшником.

Литература

Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. – 1998. – URL:: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 2000.

Губерт К. Рассказы косморамщика или объяснения к 16 картинам, находящимся в космораме. СПб., 1848 // Петербургский раёк [Сост., вступ. ст. и коммент. А. М. Конечного] – СПб., 2003.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2008.

Магалашвили А.Р. Визуальный и вербальный знак в системе русского райка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/magalashvili1.htm>

© Кузнецова Е.А., 2015

П.А. Кузнецова, Л.С. Чечулина
Екатеринбург

УДК 372.881.161.1'271.2

ББК Ч426.819=411.1,5

**Влияние интернет-сленга на речь современных школьников:
ков: экспериментальные данные**

В статье представлен анализ анкет учащихся, проведённый авторами статьи. На основании данного анализа выявлены факторы, обуславливающие использование детьми интернет-сленга как при общении в сети, так и в других видах общения. Авторы исследуют влияние падонкаффского языка на письменную речь учащихся и приходят к выводу о снижении уровня грамотности современных школьников в результате подобного влияния.

Ключевые слова: интернет-сленг, «падонкаффский язык», интернет-общение молодежи, анкетирование.

P.A. Kuznetsova, L.S. Chechulina

Yekaterinburg

The influence of an Internet-slang on the speech of modern pupils: experimental data

The analysis of questionnaires of pupils which is carried out by authors of article is presented in article. On the basis of this analysis the factors causing use by children of an Internet slang both at communication in a network, and in other types of communication are revealed. Authors investigate influence of «padonkaffsky language» on written language of pupils and come to a conclusion about decrease in level of literacy of modern school students as a result of similar influence.

Key words: internet-slang, «padonkaffsky language», Internet-communication of youth, questioning.

На сегодняшний день интернет – колоссальный источник информации. Быстрота и доступность – основные его качества. Интернет используется и как средство общения. Созданные в сети многочисленные ЧАТы, форумы, группы, социальные сети – основные формы общения. Виртуальная коммуникация, которая возникла благодаря быстрому развитию сети, породила особый язык – язык виртуального общения, или интернет-сленг. С каждым днем он все больше проникает в нашу повседневную жизнь. Кроме того, этот «особый» язык господствует как в социальных сетях, так и в письменной речи. Отмечается, что современная молодежь все чаще пользуется «сетезязом», старается общаться на упрощенном языке, создавать свой, призрачный мир. Подрастающее поколение не задумывается, хорошо это или плохо – употреблять такой «язык». Положительное или отрицательное влияние оказывает интернет-сленг на грамотность сегодняшних школьников, снижает ли это уровень культуры общения подростков? Цель нашей статьи – выявить факторы, обуславливающие использование учащимися интернет-сленга, и проанализировать его воздействие на уровень их грамотности.

На данный момент русский язык переживает сложное время. «Демократизация общества неимоверно расширила круг публично выступающих – в парламенте, в прессе, на митингах и в других сферах массового общения. Свобода слова, понятая буквально и по отношению к манере выражаться, сломала все социально-этические запреты и каноны» [Валгина 2001: 3]. Особо выделяется молодежный, а в частности интернет-сленг.

Учителя русского языка отмечают, что грамотность школьника резко падает уже в пятом классе. В речь школьников активно вторгается Интернет-сленг. Рассмотрим, влияет ли он на низкую практическую грамотность школьника.

Для того чтобы проанализировать осознание детьми воздействия «сетеза» на их грамотность, мы провели анонимное анкетирование среди учеников пятых и десятых классов МАОУ № 170 города Екатеринбурга на тему: «Влияние интернет-общения на практическую грамотность школьника». Анкета состояла из пяти закрытых вопросов с множественным выбором ответа и пяти откры-

тых вопросов, на которые учащиеся должны были дать развернутый ответ или представить свою собственную позицию.

Результаты оказались следующими: все участники анкетирования первый раз вышли в интернет несколько лет назад, следовательно, им было на тот момент 9-12 лет. Чаще всего для выхода в интернет используется телефон или смартфон, реже – компьютер. Это говорит о том, что технологии идут в ногу со временем, и программисты создают специальные программы, которые позволяют в любом месте, будь то школа, дом, общественный транспорт, большее количество времени проводить в виртуальном пространстве. Самой популярной социальной сетью является «ВКонтакте».

Отвечая на первый вопрос («*При общении в социальной сети какой стиль речи Вам нравится больше?*»), практически все опрашиваемые назвали «сленг», потому что общение с использованием сленговых фраз доступное и свободное, раскрепощает людей. Среди ответов встречаются, например, такие: «Больше нравится использовать сочетание сленга с обычной речью», – т.е. частое использование сленговых фраз делает общение менее красочным. Около 10% участников опроса вообще не используют сетевой сленг, поскольку им не нравится подобный стиль общения.

На второй вопрос: «*Используете ли Вы в устной речи “сетевой”?*» ответы были такие: 65% участников сообщили, что используют в своей речи сленговые выражения, а остальные 35% его не употребляют. Значит, сетевой сленг проникает в речь большинства учащихся.

Третий вопрос: «*Напишите, как Вы сокращаете слова в интернет-общении?*» В 90% анкетах встречаются ниже приведенные сокращения слов: «нормально» – «норм», «пойдем» – «падем», «спасибо» – «СПС», «почему» – «поч», «может быть» – «мож», «комментарий» – «комент», «ладно» – «лан» «стрёмно» – «стремн», «что делаешь» – «чѐ?», «здравствуй» – «здоров», «что-нибудь» – «чень», «как-нибудь» – «какнить». Наблюдается и заимствованная лексика: «привет» – «хай», «люблю, любить, нравиться» – «лавки», «лайк», «хорошо» – «окей»,

«ок», «доброе утро» – «ГМ» (то есть *Good morning* – «гуд мординг»), «девочки» – «герлы».

Анализ ответов на четвертый вопрос «Почему при общении в социальных сетях Вы используете сленг?» показал, что он [сленг] стал популярным способом общения между молодыми людьми, так как это модно. Сленговые слова и выражения переходят из уст в уста и при интернет-переписке.

Неоднозначные ответы мы получили на пятый вопрос: «Считаете ли Вы, что интернет-общение негативно влияет на грамотность человека?» 75% подростков считают, что «да», виртуальное общение является одной из причин практической безграмотности школьника, оказывает негативное влияние на формирование культуры речи школьников. Аргументация ответов была следующей: «Заучиваю интересные словечки и из-за этого начинаю писать неграмотно», «Да, влияет, потому что в интернете мы общаемся больше, чем пишем на уроке русского языка, поэтому привыкаем писать с ошибками», «Не на всех сайтах ошибки подчеркиваются, и я не знаю, с ошибками я пишу или нет», «Я считаю, что да, в интернете много безграмотной речи, но школа помогает в грамотном написании», «Из-за общения в интернете стали меньше читать художественную литературу, поэтому много безграмотных», «Да, я сама иногда ошибаюсь в написании слов. Хоть у меня и пять по русскому, но, по моему мнению, интернет делает тупым школьника, он перестает учиться».

Интересными были и высказывания тех респондентов, которые ответили «нет». Многие написали, что сленг не употребляют в интернет-общении и при написании соблюдают орфографические и пунктуационные правила: «Я изменяю слова, употребляю сленг, но я читаю книги, и моя грамотность не ухудшается», «Мой планшет мне исправляет неправильно написанные слова».

Шестой вопрос – «Применяете ли Вы орфографические правила, когда общаетесь в социальной сети?» Ответы оказались неоднозначными: 70% применяют, 21% иногда, а 9% никогда, т.е. треть современных подростков выражает свои мысли быстро и эмоционально, не обращая внимания на орфографические и пунктуационные правила.

В ходе анкетирования мы спросили у учащихся о «падонкаффском языке». И, как оказалось, школьники не только знают, что обозначает данное понятие, но и активно употребляют этот «язык».

«Падонкаффский язык» – широко распространявшийся в Рунете в начале XXI века стиль употребления русского языка с фонетически адекватным, но нарочно неправильным написанием слов и определенных штампов, характерных для сленгов [Подлесная 2008: 4]». «Падонкаффский язык» наиболее часто используется при написании комментариев к текстам в блогах, чатах и интернет-форумах. Существует мнение, что предпосылкой для появления «аццких» слов и выражений стала потребность в создании набора эмоциональных клише той части пользователей сети «Интернет», которые по тем или иным причинам не удовлетворены традиционным механизмом – смайликами или другими формами выражения эмоций. Считается, что родоначальники «албанского» языка на различных форумах и конференциях высмеивали пользователей, которые пишут правильно, т.е. грамотно. Пользователи интернета быстро освоили основные правила виртуального языка: как слышится, так и пишется («аццкий») и нарочное «коверканье» слов («креведко»).

Проанализировав словарный запас «падонкаффского языка» опрошенных школьников, мы сделали выводы относительно его специфики:

1. В большинстве случаев под- ростками используются эмо- ционально окрашенные выра- жения	<i>Ржунимагу! Раскрас жыз- ненный! Плакаль! Рыдадь! Ъ! (нет слов)</i>
2. Учащимися движет стремле- ние дать общеизвестным поня- тиям экспрессивное наимено- вание	<i>Ацтой (скука, ерунда)</i>
3. В интернет сообщениях под- ростков наблюдается специ- альное нарушение правил ор- фографии. В большинстве слу- чаев это слова-эрративы (эрра-	<i>Какдила, много букв (слиш- ком много текста), красавчег, пеши исчо, коттострофа, превед</i>

<p>тив (от лат. <i>errāre</i> в значении «ошибаться»)) – слово или выражение, подвергнутое нарочитому искажению носителем языка, владеющим литературной нормой)</p>	
<p>4. Высока частотность использования приемов транслитерации</p>	<p><i>ЛОЛ</i> – транслитерация <i>LOL</i> – <i>Laughing Out Loud</i> – буквально с английского: очень громко смеюсь в мемориз (в избранное, в память)</p>
<p>5. Дети предпочитают применять аббревиатуры</p>	<p><i>Нра</i> (от <i>нравиться</i>), <i>оч</i> (<i>очень</i>), <i>ППКС</i> (<i>подписываюсь под каждым словом</i>), <i>ЖЖ</i> (<i>живой журнал</i>)</p>
<p>6. Встречается комбинация двух и более приемов специфического словообразования</p>	<p><i>Каменты рулят, упейся апстену!</i></p>
<p>7. В большинстве случаев оценочная модальность выражается единицами лексического уровня</p>	<p>«<i>Аффтар жжот</i>» или «<i>зачот</i>» обозначают положительную оценку (хороший текст), а «<i>выпей йаду</i>» или «<i>убей себя апстену</i>» – негативную (плохой текст). «<i>Ржунимагу</i>» или «<i>валялсо пацтулом</i>» означает «смешно», а «<i>многа букв неасилил</i>», «<i>ацтой</i>» – «скучно». Эти слова можно комбинировать.</p>

Проведенный анализ показал, что изучаемый нами процесс обусловлен рядом факторов.

Собеседники в интернет-пространстве лишены голоса, мимики, жестикуляции – это одна из причин стремления детей к употреблению «падонкаффского языка», так как с его помощью в краткой и понятной другим пользователям форме можно вы-

разить свои эмоции. В других случаях в качестве заменителя модуляций голоса используются заглавные буквы, которые вне заголовка передают повышение голоса, а вместо эмоций – смайлики.

Специфика общения в интернете способствует неграмотному и бездумному письму, так как предполагает анонимность пользователя и дает свободу высказываниям и поступкам, поскольку риск разоблачения и негативной личностной оценки окружающими минимален. Отсюда в сети проявляется снижение психологического и социального риска в процессе общения – аффективная раскрепощенность, ненормативность лексики.

«Падонкафский язык», как и любой сленг, проводит границу между своими и чужими. «Свои» – это те, кто относится к Интернет-сообществу (совсем не обязательно к «падонкам») и употребляет все эти выражения или хотя бы часть из них. «Чужие» – это те, кто их не употребляет или использует неправильно, то есть не искажает орфографию. Таким образом, это своего рода тест на принадлежность к сообществу («я такой же, как вы»).

На еще одно свойство «падонкафского языка» как сленга указывает профессор М. Кронгауз, когда говорит о его игровой природе. «Употребление этих выражений по идее всегда должно вызывать смех, это что-то вроде постоянного подмигивания. Более того, у многих выражений есть своя история, рассказывающая о том, как они возникли» [Кронгауз 2006: 3].

У детей, подростков всегда присутствует стремление отгородиться от «взрослой», общепринятой культуры и чем-то выделиться, поэтому школьники и студенты, активно пользуясь сленгом «сетеза», хотят подчеркнуть свою продвинутость, современность, непохожесть на других.

Русский язык в интернет-общении находится под влиянием иностранных языков, в частности американского и английского, диктующих свои правила общения в сети. Увлечение словами иностранного языка – своеобразная мода, которая обусловлена стереотипом нашей эпохи, заключающимся в образе идеализированного американского и английского обществ, в которых уровень жизни намного выше, и молодые люди приобщаются к этим культурам, их стилю жизни.

Интернет-сленг на сегодняшний день – самый популярный вид общения среди российской молодежи. «Сетезяз» требует беглости написания сообщений, поэтому все тексты отличаются краткостью. Объем одного сообщения не превышает 5-6 слов, а часто он значительно меньше. Например, в процессе диалога в молодежной речи активно используются коммуникемы как способ подачи максимального содержания в минимальном оформлении (см. подробнее: [Гоголина 2010]).

Кроме того, пользователи сети «Интернет» быстро освоили основные правила виртуального языка «как слышится, так и пишется», нарочное «коверканье» слов. Ряд исследователей виртуального общения отмечает, что одна из основных проблем такого языка – искажение слов – неизбежно снизит грамотность: невозможно постоянно выражать свои мысли и эмоции с помощью «сетеза». Перспектив дальнейшего развития у интернет-сленга мало. Судьба выражений данного типа неодинакова: одни с течением времени приживутся в русском литературном языке и войдут в общеупотребительную лексику, а другие будут существовать лишь какое-то время, а затем, скорее всего, забудутся.

Литература

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001.

Гоголина Т.В. Коммуникемы в речевой деятельности / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010.

Подлесная О. О чем кричит Интернет? // Комсомольская правда. – 2008. – № 43.

Кронгауз М. Новый русский: коллективное остроумие // Ведомости. – 14.12.2006. – № 236.

© Кузнецова П.А., 2015

© Чечулина Л.С., 2015

О.А. Локоткова

Екатеринбург

УДК 811.161.1'42:811.161.1'23:821.161.1-2(Чехов А. П.)

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-006+Ш33(2Рос=Рус)5-8,446

Восприятие паратекстуальных элементов в пьесе-римейке: психолингвистический эксперимент

Рассматриваются особенности восприятия и интерпретации заглавия как одного из элементов паратекста в римейке на пьесы А.П. Чехова. Описываются результаты психолингвистического эксперимента, выявляющего степень и специфику считываемости авторской языковой игры, основанной на намеренном столкновении в рамках одной фразы (названия пьесы) нескольких прецедентных текстов разных стилистических регистров.

Ключевые слова: паратекст, заголовок, римейк, языковая игра, психолингвистический эксперимент.

O.A. Lokotkova

Yekaterinburg

The perception of the paratextual elements in the play-remake:
psycholinguistic experiment

In the article consider the features of perception and interpretation of the title as one of the elements in the remake paratext on the play by Chekhov. The author describes results of psycholinguistic experiment that reveals the extent and specificity of readability authoring language game based on deliberate collision in a single phrase (title song) several precedent texts of different stylistic registers.

Key words: paratext, title, remake, language game, psycholinguistic experiment.

В конце XX века в драматургии появилась тенденция интерпретации классических текстов в форме римейков.

Специфика данного художественного явления не может быть определена однозначно. В частности, римейк понимается как «прием художественной деконструкции известных классических

сюжетов художественных произведений, в которых авторы по-новому воссоздают, переосмысливают, развивают или обыгрывают эти сюжеты на уровне жанра, идеи, проблематики, героев» [Таразевич], либо как «<...> переделка классического текста, которая учитывает доминантные особенности художественной системы первоисточника, при этом новый текст обладает собственным своеобразием и накладывается на «старый» по принципу палимпсеста так, чтобы читатель мог узнать классический образец и в то же время увидеть его принципиальные трансформации» [Самарин 2009: 81].

Однако, несмотря на имеющиеся разночтения в трактовке понятия, можно выделить некие общие черты, присущие римейку как художественному произведению. Во-первых, римейк подразумевает обязательную трансформацию, «деконструкцию» первичного текста. Во-вторых, этот классический образец, или текст-первоисточник должен быть считан носителями языка. Трансформация исходного текста как одна из основных характеристик римейка подразумевает обыгрывание текста-первоисточника не только на уровне сюжета, но и на уровне языка.

В связи с появлением различного рода экспериментальных и игровых текстов в области современной драматургии в последнее время актуальным стал вопрос о статусе так называемых «дополнительных» к основному диалогическому тексту элементов. Эти элементы объединяются понятием «паратекст», введенным в научный обиход французским ученым Жан-Мари Томассо в 1984 г. До этого в научной литературе существовали понятия «дидакалии», «сценические указания» и «авторская ремарка» [Толчеева 2013].

Объектом нашего анализа являются элементы паратекста в пьесах-римейках современной драмы. В данной статье мы остановимся на экспериментальном исследовании особенностей восприятия и интерпретации заголовка пьесы А. Зензинова и В. Забалуева «Поспели вишни в саду у дяди Вани», являющейся римейком на пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» и «Дядя Ваня».

Вслед за G. Genette с формальной точки зрения в состав паратекстуальных элементов мы включаем, например, имя автора, заголовок, подзаголовок, эпиграф, посвящение, т. е. то, что со-

ставляет рамку художественного произведения [Толчеева 2013]. Однако с позиции восприятия текста нам представляется уместным в понятие «паратекст» включить интерпретации художественного текста, порождаемые данными внешними элементами. Так, заглавие пьесы-римейка уже содержит игровые элементы и может быть истолковано по-разному в зависимости от культурного и жизненного опыта носителей языка. Изначально название произведения направляет восприятие читателей, создает своеобразный «горизонт ожиданий», и возможность порождать различные интерпретации текста пьесы.

В драматургических римейках наиболее ярко, на наш взгляд, проявляется лингвокреативная деятельность человека, реализуемая на разных уровнях текста и, в частности, в заголовочном комплексе. Одной из форм лингвокреативного мышления, согласно определению Т.А. Гридиной, является языковая игра [Гридина 2008: 4]. Особую значимость для анализа римейков приобретает выделяемый тем же автором *аллюзивный* принцип языковой игры, который «является основой интерпретации <...> культурно значимого прецедента (выступающего прототипическим объектом для новой ассоциативной обработки). Прототип <...> выступает лишь стимулом для развертывания ассоциативной стратегии языковой игры – актуализации, разрушения, переориентации, дискредитации исходной прецедентной символики – в русле авторского художественного замысла» [Гридина 2008: 6]. Этот принцип может быть применен к анализу элементов текста-переделки, что обусловлено спецификой римейка как художественного явления, направленного на изменение формы и содержания исходного классического текста и часто перенесение его в другой стилистический регистр.

В названии «Поспели вишни в саду у дяди Вани» намеренно сталкиваются несколько прецедентных высказываний, находящихся в разных стилистических регистрах: названия классических пьес и строчки из шансонной (или, так называемой «блатной») песни. На столкновении двух диаметрально противоположных по стилистике и порождаемым коннотативным смыслам высказываний построена языковая игра в заголовке пьесы А. Зензинова – В. Забалуева. В основе игры лежит «конструк-

тивный принцип *ассоциативного наложения*» [Гридина 2008] нескольких прецедентных текстов.

Для определения степени считываемости носителями языка игровой компоненты в заголовке пьесы-римейка и выявления возможных интерпретаций нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 47 респондентов (студентов Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации в возрасте от 19 до 28 лет). В качестве стимула испытуемым был предложена заголовочная фраза «Поспели вишни в саду у дяди Вани».

Нашей целью было определить, в какой степени считывается игровая составляющая заголовка пьесы, и, как следствие, создать определенный круг интерпретаций художественного текста, порождаемых читателями.

В качестве гипотезы нами было выдвинуто предположение о том, что ядро ассоциативного поля составят реакции, которые условно можно отнести к тематической группе «Творчество Чехова»; второй ассоциативный пласт (сниженная стилистика песенного прецедента) может быть отражен в зоне дальней периферии, либо представлен единичными реакциями.

Анализ полученных данных показал, что к ядерной зоне ассоциатов можно отнести такие реакции, как *Чехов* (15), *«Вишневый сад»* (10). К этой же тематической группе примыкают реакции из зоны ближней и дальней периферии: *пьеса* (9), *театр* (4), *Вишневый сад Чехова* (2), *Дядя Ваня* (2); среди единичных реакций, показательных для выделения доминант восприятия исходных литературных прецедентов, отметим следующие: *ремарка*, *вечный студент*, *«Дядя Ваня» Чехова*, *«Дядя Ваня» в театральном постановке*, *юмор*, *литература*, *рассказ*.

Реакции, отсылающие к песенному прецеденту, заключенному в названии, находится в зоне дальней периферии, ср. *песня* (3), а также единичные реакции: *Сектор газа*, *строчки из песни*, *шансон*.

В ходе анализа результатов эксперимента был выявлен еще один пласт интерпретаций, соотносимых с рекламным прецедентом: продукция, выпускаемая под маркой «Дядя Ваня». Ср.

огурцы «Дядя Ваня», рекламная продукция, огурчики, «У дяди Вани» – огурчики соленые.

Помимо названных, в зону ближней и дальней периферии вошли ассоциаты, которые можно объединить в тематическую группу «Летний отдых»: *лето (9), деревня (4), дача (2)*; среди единичных к этой группе относятся такие реакции, как *жара, солнце*.

Некоторые ассоциации, в основном единичные, были даны не при восприятии всей заголовочной фразы в целом, а на отдельные лексические единицы, входящие в ее состав. Примерами таких реакций являются следующие: *сварить компот, насобирать вишню, сделать варенье, компотик будет, сад, вокруг все зеленое; куст, красные, еда, огород, сок вишневый, собирание ягод*.

Некоторые испытуемые не просто интерпретировали фразу в виде вербальных реакций (слово или словосочетание), а продуцировали небольшие монологические высказывания, соотносящиеся по смыслу с заголовком. Ср.: *Мне захотелось вишни, это значит, что я пойду и попрошу ее у дяди Вани. Я возьму с собой корзинку или горшочек. Поздоровуюсь, улыбнусь, и он мне даст ягод. Я их все съем и поделюсь с друзьями*.

Таким образом, результаты эксперимента показали, что читатели интерпретируют заголовок, воспринимая только один ассоциативный пласт сложного игрового комплекса. Не всегда испытуемыми была считана контаминация двух классических чеховских текстов, отраженная на уровне заголовка.

Однако, несмотря на это, мы можем наблюдать разнообразие интерпретаций заголовочного комплекса текста. Помимо культурно ориентированных реакций, соотносящихся в той или иной степени с творчеством А.П. Чехова или театром в целом, испытуемые давали большое количество индивидуальных интерпретаций. Например, *печально; картина – сад, вокруг все зеленое; семейная встреча, пришла любовь, Ермоленко*.

В заключении можно сказать, что паратекстуальные элементы, в частности заголовок, могут быть достаточно информативными. С одной стороны, он имеет прагматическую установку и направлен на создание определенной установки на чтение основного текста. С другой стороны, заголовок становится сферой передачи авторской интенции, и в этом плане важно определить,

насколько интенции автора совпадают с интенциями воспринимающих текст. Кроме того, намеренное обыгрывание различных прецедентов позволяет по-разному интерпретировать данные элементы, в результате чего культурно обоснованные смыслы дополняются личностными индивидуальными.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008.

Самарин А. Проблема типологии современного драматургического ремейка // Южный архив. Филологические науки: Сб. науч. тр. – Херсон, 2009.

Таразевич Е. Ремейк в современной русской драматургии // Материалы международной научно-практической конференции «Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания. URL: http://ns.psru.ru/sci_liter2005_taraz.shtml

Толчеева К.В. Авторская ремарка в драме: старые тексты и новые парадоксы (Рец. на книгу: *Frédéric Calas, Romdhane Elouri, Saïd Hamzaoui, Tijani Salaoui.* Le textedidascalique à l'épreuve de la lecture et de la représentation. – SudÉdition – Tunis : Presse Universitaire de Bordeaux, 2007.). Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. 2013.

Genette G. Paratext: Tresholds of Interpretation / Trans. by J. E. Lewin. – Cambridge, 1997.

© Локоткова О.А., 2015

О.И. Михневич
Екатеринбург

УДК 81'42:81'38(479.22)
ББК Ш105.51+Ш105.551.5

Зооморфная метафора как средство концептуализации политической действительности Грузии (на материале британских и российских СМИ)

Статья посвящена исследованию роли зооморфной метафоры в СМИ. Зооморфные метафоры широко используются в медиа-

текстах и могут формировать образ разных стран. В частности, данная статья рассматривает метафорический образ Грузии в российских и британских СМИ.

Ключевые слова: зооморфная метафора, метафорическое моделирование, фрейм, слот, язык СМИ, Грузия.

O.I. Mikhnevich
Yekaterinburg

Zoomorphic metaphor as a means of conceptualizing the political realities of Georgia (basing on a material of the British & Russian mass media)

The article is dedicated to identifying the role of the zoomorphic metaphor in mass media. Zoomorphic metaphor widely used in mass media and may conceptualize images of different countries. In particular, this paper considers the metaphorical image of Georgia that is being created by Russian and Great Britain mass media.

Key words: zoomorphic metaphor, metaphorical modeling, frame, slot, mass media language, Georgia.

Мир животных служит основой для многообразной метафорической концептуализации политической действительности разных стран, обеспечивая понимание сложных политических процессов за счет известных и доступных образов. Данная статья посвящена рассмотрению метафорической модели ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГРУЗИИ – ЭТО МИР ЖИВОТНЫХ.

Совершенно очевидно, что зооморфные метафоры используются в СМИ достаточно часто, отражая обыденное человеческое представление о мире животных, и являются действенным способом восприятия, осмысления и оценки политических реалий. «Использование зооморфных метафор в политической речи продолжает живущую в народном сознании мифологическую, фольклорную и литературную традицию, в которой свойства определенных животных выступают как вариант мифологического кода» [Чудинов 2001: 135]. Например, лиса – хитрая, баран – упрямый, свинья – грязная, заяц – трусливый и др.

Как правило, им присущи негативные характеристики, но некоторые зооморфные метафоры имеют позитивную эмоциональную окраску. Так, распространенный образ русского медведя, в зависимости от контекста, может иметь как положительные (сильный, уверенный в себе), так и отрицательные (неуклюжий, глупый, вероломный) характеристики. Если говорить о британских медиатеках, то в них, согласно результатам проведенного анализа, образ медведя не имеет положительных ассоциативных признаков.

The invasions of Ukraine and Georgia bear striking similarities (The Guardian, 14.03.14). [Вторжение в Украину и Грузию медведя имеет поразительное сходство].

Очевидно, что такие «агрессивные метафоры прагматически запрограммированы на устрашение читателя» [Красильникова 2007: 94].

Сфера-источник метафорической экспансии «животные» используется для того, чтобы политические деятели Грузии воспринимались как существа, которым присущи животные повадки, реакции, инстинкты. «"Зооморфные" метафоры обладают очень сильным прагматическим потенциалом и в распоряжении искусного мастера слова становятся безусловным политическим оружием» [Красильникова 2008: 39].

With some of the biggest beasts of the Georgian political jungle now in opposition, we can be sure that the new party of power will not have an easy ride (W. Dunbar / The Independent, 2.10.12). [С некоторыми из крупнейших зверей грузинских политических джунглей, которые сейчас в оппозиции, мы можем быть уверены, новой партии власти будет не легко].

Данный пример демонстрирует, что зооморфные метафоры обладают оценочными смыслами и используются с целью приписать политическим деятелям определенные признаки, свойственные диким животным. Вместе с тем метафоры могут ассоциироваться не только с агрессией и жестокостью, но и силой, определенным весом в политике. Здесь метафора используется с целью уподобить политиков сильным, агрессивным животным, с которыми будет сложно взаимодействовать в «политических джунглях».

В британских медиатекстах довольно часто используются негативно окрашенные метафоры **фрейма «Обращение с животными»**: *trap* (ловушка), *hunt* (охота).

It takes two to tango and make war, and Saakashvili fell into Russian's trap as he saw armoured divisions crossing his nation's northern borders and opened fire (D. MacShane / *The Guardian*, 7.08.10). [Для танго и для войны нужны двое, и Саакашвили попал в ловушку, когда увидел танковые дивизии, которые пересекали северные границы его страны, и открыл огонь].

Довольно часто в британских текстах Грузия репрезентируется как жертва, которая угодила в ловушку.

Выражение «кнут и пряник» используется в английском языке в форме *carrot and stick* (морковка и палка) и ассоциируется со способами, которыми можно заставить двигаться упрямого осла.

Putin uses carrot and stick to dominate neighbors /заголовок/ (*The Independent* / 6.03.14). [Путин использует метод кнута и пряника, чтобы доминировать над соседями].

Данный пример демонстрирует, что вышеупомянутый способ применяется по отношению к Грузии. Так, Грузия имплицитно, косвенно отождествляется с животным (*ослом*), которого хотят заставить выполнять определенные действия, при этом используются различные, порой диаметрально противоположные способы.

Фрейм «Части тела животного» в британских медиатекстах представлен слотом «крылья», который актуализируется для метафорического представления политической поддержки и покровительства.

It's said MrLugovoy was "taken under the wing" of MrPatarkatsishvili (*The Daily Mail*, 14.02.08). [Говорят, г-н Луговой был «взят под крыло» Патаркацишвили].

В российских текстах метафорическая модель ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГРУЗИИ – ЭТО МИР ЖИВОТНЫХ представлена более структурировано, здесь можно выделить следующие фреймы.

1. Фрейм «Наименование животных»

Слот 1.1. Собственно животные

Для характеристики субъектов политической деятельности используются следующие метафоры: *баран, волк, кошка, лис, еж, медведь, барашек, коза, зверь, овечка, крокодил, крот, собака.*

Я уверен, что команда Саакашвили готовится к реваншу. Если Иванишвили не добьет этого зверя, он может все потерять (М. Перевозкина / МК, 14.04.13). Он был обходителен как лиса, и когда ты после общения с ним выходил удовлетворенный, ты даже не замечал, сколько укулов нанес тебе этот еж, замаскированный под «серебряного лиса» (М. Стуруа / МК, 8.07.14).

Слот 1.2. Птицы

Данный слот представлен не так широко, как предыдущий, среди орнитологических метафор в российских текстах актуальной оказалась *ястреб*, которая характеризует сторонников радикальных мер в политике, реже встречаются: *голубь, сокол.*

Тон задает министр обороны Ираклий Окруашвили. Главный тбилисский «ястреб», как всегда, настроен решительно (М. Юсин / Известия, 28.09.06). На самом деле именно Саакашвили, а не Ираклий Окруашвили (бывший министр обороны Грузии. – Авт.) был тогда главным ястребом, – говорил мне экс-посол (М. Перевозкина / МК, 22.09.09).

Слот 1.3. Насекомые

Проведенный анализ показал, что метафоры данного слота оказались не востребованными в российских текстах, тем не менее они способны понизить социальный и политический статус, нанести вред репутации и публичному имиджу. Проиллюстрировать это можно при помощи следующего примера.

Несмотря на свой вес и рост Миша напоминает мне эту самую бабочку из грузинской народной песни. Он улетел из родного Тбилиси, но мечтает вернуться, желательно триумфатором. Он слишком долго бился в стекло лампы американской демократии и опалил себе крылья. В какой-то момент Мише-бабочке показалось, что он Миша-сокол и он неосмотрительно клоннул русского медведя, за что сильно поплатился. И вот сейчас Миша находится в Бруклине на перекрестке сложных путей

своей жизни, ставшими одновременно историческими путями постсоветской Грузии, и глядя на мир с верхотуры Вилльямсбургского небоскреба, гадает как на ромашке: «Не улетай и не прилетай», а затем спрашивает самого себя: «Так что же делать бедной бабочке?» (М. Стуруа / МК, 21.09.14).

Данный отрывок демонстрирует развертывание метафорической модели, обнаруживая примеры использования метафор, входящих в состав слотов «Животные» и «Птицы». Источником метафорической номинации послужила грузинская народная песня, где образ *бабочки*, к которому прибегает автор статьи, используется для того, чтобы охарактеризовать экс-президента Грузии.

2. Фрейм «Обращение с животными»

Метафоры данного фрейма ассоциируются в сознании носителей языка с жестокими и агрессивными явлениями, так как представляют субъектов политической деятельности либо жертвами, либо их преследователями. Здесь используются лексические средства обозначающие жестокое обращение человека с животными: *приманка, охота, натравливание, сломать хребет.*

При новой администрации Вашингтон отказался от курса на бездумную автоматическую поддержку Саакашвили и его натравливания на Россию (М. Ростовский / МК, 31.05.10). Якобы с тех пор Михаил Саакашвили объявил на него охоту (МК, 22.03.11).

Метафоры данного фрейма могут пересекаться с метафорами фрейма «Места обитания животных», вызывая негативные ассоциации у носителей языка.

«...В стране такая ситуация, что мы идем к России, в то проклятое логово, откуда трудно будет вытянуть страну», – заявил в четверг журналистам один из лидеров парламентского меньшинства, бывший министр охраны окружающей среды Георгий Хачидзе (П. Воронов / МК, 15.03.13).

Как видно из примера, иногда метафоры со значением места обитания животных могут использоваться для номинации целой страны.

3. Фрейм «Части тела животных»

В метафорах данной группы образно используются следующие номинативные единицы: *шкура, крылья, хвост*. Здесь мета-

форические словоупотребления характеризуют как самих политиков, так и их типовые действия.

Цель обострения отношений, взвинчивание истерии, шпиономании – заполучить запад на свою сторону, втянуть его в конфликт с Россией, сделать так, чтобы хвост вилял собакой, чтобы проблемы Грузии стали проблемами НАТО и США (К. Затулин / Известия, 28.09.06). Что ж, теперь «Железному Вану» предстоит побывать в шкуре своих жертв (М. Перевозкина / МК, 10.12.12).

Покровительство, контроль в сфере политики часто осмысляется посредством метафоры *крылья*.

Пока Грузия была под крылом России, никто не смел тронуть часть мощнейшей державы (Л. Болотова / МК, 15.02.12).

4. Фрейм «Действия животных»

Слот 4.1. Агрессивные действия животных

Действия политиков нередко рассматриваются как агрессивные действия животных посредством следующих концептов: *грызня, огрызаться, грызть*.

Сейчас кто-то выкопал их обратно откуда-то, собрал всех вместе, немножко они постарели, некоторые даже похудели, потому, что уже не могут грызть так как грызли /Саакашвили/ (О. Матюхина / МК, 12.01.12).

Слот 4.2. Другие формы поведения животных

Представленные здесь метафоры передают ироническое и пренебрежительное отношение как к характеризваемым лицам, так и к их действиям.

Но Саакашвили предпочел не упираться рогом, рискуя потерять все, а признать очевидное – то есть поражение всех своих сторонников на выборах (М. Перевозкина / МК, 2.10.12). Наши чиновники на задних лапах и представители винных заводов с трясующимися руками наливали им вино, смотрели на их реакцию /Саакашвили/ (П. Воронов / МК, 15.03.13).

Довольно часто встречаются случаи персонификации Грузии, и тогда она приобретает те качества, которые присущи животным, насекомым. Анализ текстов показывает, что Грузия может быть представлена как некий паразит, который живет за счет других.

Модель поведения Грузии всегда состояла в том, что она находила хозяина, присасывалась к нему, и хозяин начинал датиловать грузинскую экономику (М. Перевозкина / МК, 15.03.11).

Таким образом, рассмотренная метафорическая модель обладает высоким оценочным потенциалом и способствует формированию определенного представления о Грузии и ее лидерах. Очевидно, что употребление зооморфной метафоры «в значительной мере способствует изменению представлений о политической обстановке в сознании аудитории» [Агафонова 2011: 88].

Согласно проведенному анализу метафорическая модель ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГРУЗИИ – ЭТО МИР ЖИВОТНЫХ оказалась востребованной, в большей степени, в российских СМИ, чем в британских.

В британских СМИ, с одной стороны, Грузия представлена жертвой на которую нападают, подстраивают ей ловушки, с другой – политическая действительность Грузии – это мир животных, в котором царят свои законы.

В российских текстах рассматриваемая метафорическая модель представлена более детально, она состоит из следующих фреймов: «Наименование животных», «Обращение с животными», «Части тела животных», «Действия животных». Политическая действительность Грузии осмысливается при помощи образов животного мира, где политики – это звери, птицы, насекомые, которые действуют соответствующим образом. Очевидно, что характеристика и оценка субъектов политической деятельности зависит от контекста, от семантики лексем, называющих животных, однако большая часть метафор передает негативные ассоциации.

Литература

Агафонова О.И. Употребление метафор с зооморфным компонентом в англоязычном политическом дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета №6 (101). 2011. – С.82-88.

Красильникова Н.А. Концептуализация современной России в метафорах американских СМИ // Политическая лингвистика 2008. №1(24) – С. 39-43.

Красильникова Н.А. «В плену у русского медведя», или современная Россия в метафорах британских и американских СМИ // Политическая лингвистика. – 2007. – №1(21). – С. 92-97.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2001) / Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001.

© Михневич О.И., 2015

А.Е. Мошкина
Екатеринбург

УДК 811.111'373.2:821.111-21(Голдинг У.)
ББК Ш143.21-316+Ш33(4Вел)6-8,444

Ономастическая игра в постмодернистской литературе (на материале романа У. Голдинга «Свободное падение»)

Статья посвящена вопросам ономастической игры в постмодернистской переводной литературе. Особое внимание обращается на неконвенциональное начало имен собственных на примере романа У. Голдинга «Свободное падение». Подробно анализируются имена героев произведения, а обращение к тексту первоисточника позволяет раскрыть игровое начало с точки зрения постмодернистской эстетики, где автор пытается «запутать» читателя, заставляя задуматься: всегда ли внешне благородное имя является отражением подлинной сущности человека.

Ключевые слова: языковая игра, ономастика, постмодернистская эстетика, переводная художественная литература, Уильям Голдинг.

A.E. Moshkina
Yekaterinburg

The onomastic game in postmodernist literature
(on material of the novel of W. Golding "Free fall")

The article is devoted to the problem of the onomastic play in the translated postmodern fiction. Much attention is given to unconventional using of proper names in the novel "Free Fall" by William

Golding. It is spoken in detail proper names of the characters. Using the text of the novel in the original it helps to reveal the language play with these names from the point of the postmodern aesthetic. The author tries to confuse the reader, making him think if the noble name is always reflect the real nature of a character.

Key words: Language play, onomastic, postmodern aesthetic, translated fiction, William Golding.

Ономастическая игра – одно из направлений эксплуатации прагматики имени в процессах коммуникации, в том числе в художественном тексте [Шебалов 2005: 12]. Обращение к проявлениям и реализации в художественном тексте языковой игры является достаточно продуктивным. Также отметим, что художественный текст – это сложно структурированный эстетический объект, в котором отражается авторская концепция видения мира. «Игровой код художественного текста нуждается в специальном рассмотрении в аспекте языковых и индивидуально-авторских предпосылок его моделирования и воплощения» [Шебалов 2005: 4].

Собственные имена и прозвища занимают важное место в лексическом составе языка. Ономастические имена, вводимые в структуру художественного произведения, в качестве важнейших элементов средств выразительности органически связаны с содержанием произведения [Бюро переводов]. Эта связь хорошо видна нам, когда мы читаем произведение на языке оригинала. В случае перевода на другой язык задумка автора раскрывается в полной мере только тогда, когда мы обращаемся к первоисточнику. Обычно переводчики произведений художественной литературы транслитерируют или транскрибируют имена и фамилии персонажей. Это объясняется стремлением избежать чрезмерно эмоциональной окраски, из-за которой имя может превратиться в прозвище, а также рядом других соображений – например, желанием подчеркнуть национальность персонажа. Но если в имени или фамилии содержится характеристика героя, их экспрессивная и стилистическая функции начинают доминировать над чисто номинальной. Кроме того, формальные атрибуты имен литературных персонажей могут играть важную

роль, вызывая ассоциации с определенной эпохой, указывая на социальное положение героя и т.п. [Бюро переводов].

Продуктивным представляется рассмотрение игрового начала с точки зрения постмодернистской эстетики. «Противоречие между формой и содержанием художественного произведения, являющееся отражением противостояния языка (системы предписаний автору текста со стороны культурной традиции) и свободно-го творческого начала (стремления автора вовлечь в поле текста бесконечное число субъективно представляемых реалий внетекстовой действительности), закономерно приводит к разрешению установки на воплощение в произведении эстетически значимой связи между формой и содержанием» [Шебалов 2005: 16].

Так, О.И. Фонякова пишет об особой суггестивности в семантике имени собственного, понимая под этим «накопление разного рода коннотаций и семантических компонентов, идущих от ассоциаций в тексте и вслед за текстом» [Фонякова 1990: 32]. Если эпоха модерна является «революционной», то постмодернизм – осмысление этой революции. Также следует подчеркнуть, что писатель постмодернизма апеллирует не только к интеллектуальной элите. Например, роман У. Эко «Имя розы» воспринимается обывателями как увлекательный детектив, а интеллектуал увидит в тексте не только исторический роман, а философско-культурологическое размышление о средневековом мировоззрении, сможет считать многочисленные аллюзии. Произведения постмодернизма интертекстуальны, они будто бы сотканы из цитат. Отечественный исследователь М. Липовецкий подчеркивал появление в «постмодернистской интертекстуальности свойств мифологического типа миромоделирования, поскольку именно в мифологии целостность бытия запечатлевается непосредственно в объекте изображения» [Липовецкий 1997: 4].

Одним из важных принципов постмодернизма является принцип игры. Зачастую граница между реальностью и литературой разомкнута, создается иллюзия сиюминутного письма (например, романы В. Пелевина), а текст оказывается принципиально незавершимым. Читатель становится «сотворцом», выбирая то, как будут разворачиваться события далее (яркий тому пример роман А. Мердок «Черный принц», где в финале предла-

гается несколько послесловий от лица героев, предлагающих совершенно разные точки зрения на все происходящее в произведении).

Особое внимание следует обратить на языковую игру в именах героев. Например, главного героя романа У. Эко «Имя розы» зовут Вильгельм Баскервильский – отсылку к «Шерлоку Холмсу» способен увидеть практически любой читатель, также, как и обратить внимание на языковую игру в имени помощника Вильгельма – Адсона (ср. Ватсон). Связать же имя Хорхе, библиотекаря в романе, с Хорхе Луисом Борхесом, писателем, тоже ослепшим в конце жизни и работающим директором в Национальной библиотеке Аргентины, сможет уже достаточно начитанный человек. Таким образом, одним из принципов постмодернистской эстетики будет являться игровое начало, расшифровка которого будет восприниматься разным читателем по-разному.

Таким образом, неконвенциональное начало в постмодернистских текстах имеет особое место. Подробнее остановимся на ономастической игре в постмодернистском романе У. Голдинга «Свободное падение».

Доминирующим в творчестве Голдинга является мотив «тьмы», довлеющей над человеком: она окружает его извне и живет глубоко в его душе. Один из возможных путей усмирения «зверя» видится писателю в преобразующей силе заложенного в человеке творческого начала. Но Голдинг показал, что и этот путь не гарантирует спасения от зла и что творческое не всегда уходит корнями в добро. Острый нравственный конфликт между тем, что воплощает зло, и тем, что знаменует отталкивание от зла, переносится в притчах Голдинга в плоскость индивидуального и решается в формах суда персонажа над самим собой. Строится роман как серия достаточно разрозненных и сдвинутых во времени воспоминаний Маунтджоя [Чамеев 1996].

Ныне известный художник, чьи картины выставлены в галерее Тейта, Сэм с теплотой и удивлением вспоминает о своем детстве, о себе – мальчишке, выросшем без отца, в городских трущобах, на улице с выразительным названием *Поганый проул*. Узкий мир *Поганого проулка*, мир невинности, мир детства

ва, кажется герою из далекого далека прожитых лет Эдемом, райским садом, тогда как теперешняя его резиденция на *Парадиз-хилл* (от англ. *Paradize Hill* – букв. «Райский холм»), где он пишет свою исповедь, превращается для него в узилище душевных мук и терзаний. Сэм с горечью сознает, что связь между ним сегодняшним – мужчиной с душой, как стоячая лужа, – и «мальчонкой, ясным, как чистые ключевые воды» [Голдинг 2011: 138], в какой-то миг безнадежно порвалась, и он пытается отыскать этот миг – миг, после которого «началась ответственность, началась тьма» [Чамеев 1996].

Имя главного героя романа, *Самюэля Маунтджоя* (*Samuel Mountjoy*), можно перевести с английского как «возрастающая радость», но жизнь поворачивается к нему не совсем радостной стороной. Одно из самых тяжких воспоминаний Самюэля – это история его взаимоотношений с *Беатрис Айфор* (*Beatrice Ifor*), соблазненной и покинутой им в студенческие годы [Чамеев 1996]. Сэмми, поднимаясь внешне, фактически становится успешным героем, но начинает судить самого себя, воскрешает в памяти переломные эпизоды своей жизни, дабы понять, где он утратил свободу, угадать миг своего падения [Чамеев 1996]. Имя его возлюбленной не только содержит аллюзию о вечной любви Данте Алигьери к своей Беатриче, но и провоцирует трактовку фамилии Ifor: if – «если», for – «для» и Беатрис вся состоит из этих частиц и предлогов, являя собой полную неопределенность. При другом взгляде на это имя можно истолковать его как I – «я», for – «для». Здесь считывается еще одна коннотация: Сэм пользуется телом Беатрис, она становится для него исключительно сексуальным объектом, превращает ее в вещь. Любовь Сэма к Беатрис абсолютно не тождественна любви Данте к Беатриче. Беатриче – олицетворение возвышенных чувств, божественной просветленности. Она побуждает поэта к покаянию, а затем возносит его на небо. Воспоминания о Беатрис ввергают Сэма в собственный Ад, но тоже заставляя каяться без надежды на прощение и искупление. Так имя героини позволяет нам взглянуть на ситуацию глазами человека, воспитанного в христианской традиции, хорошо знающего, что есть грех, вина и покаяние.

Не менее важны имена других персонажей, прежде всего это касается наставников Сэма – мисс *Ровены Прингл* (*Rowena Pringle*) и мистера *Ника Шейлза* (*Nick Shales*), которые являют собой пример полярности духа и материального мира. Мисс Прингл преподает Священное Писание и, казалось бы, должна обладать библейскими добродетелями и духовным богатством [Голдинг 2011: 154]. Имя «Ровена» отсылает нас к эпохе Возрождения и католицизму: старинный город Равенна в XVI веке входил в Папскую область. Именно здесь изгнанник Данте находит свой последний приют. Поэтому Ровена – олицетворение твердой веры, но Голдинг «переворачивает» это имя, привнеся в ее образ жестокость. Ровена, чье имя к тому же в переводе с древнегерманского – «слава и радость», безжалостно травила Сэма. Есть некий изъян и в учителе естествознания Нике Шейлзе. Nick – сокращенное от «Nicholas» («победитель»). Если рассматривать произведение Голдинга через призму христианства, естественно возникает ассоциация с образом Святого Николая, Чудотворца, покровителя не только моряков, путешественников и купцов, но и детей. Николас Шейлз в некотором смысле защищает своих учеников: на его уроках нет места унижениям и страху, в отличие от уроков мисс Ровены. При жизни святой Николай прославился как умиротворитель враждующих и как защитник невинно осужденных. Поэтому не случайно, Сэмми ищет утешения у Шейлза, антипода Ровены, «Дьявола Ника» [Голдинг 2011: 266].

Из персонажей второго ряда обращает на себя внимание постоянно втягивающий Сэма в авантюры, обожающий самолеты *Джонни Спрэгг* (*Johnny Spragg*). Его фамилия также оказывается говорящей: *sprag* в переводе с английского – «эксцентричность».

Таким образом, «постмодернистская игра с читателем может воплощаться не только в формах псевдоавторства, литературной маски, смешения жанровых, сюжетно-композиционных и хронологических рамок текста» [Шебалов 2005: 12], но и в семантике имен собственных. Зачастую постмодернистский автор «запутывает» читателя, предлагая поразмыслить над именем героя: всегда ли герой-носитель библейского имени становится

олицетворением доброты, а фамилия, подразумевающая светлый жизненный путь, приносит ее владельцу успех и благо?

Все это приводит к деконструкции текста как эстетического явления или имитации такой деконструкции. Следовательно, ономастическая игра становится проявлением этого феномена как художественной «установки на выявление относительности тех конечных истин бытия, которые искусство вообще и литература в частности всегда стремились провозглашать» [Шебалов 2005: 16].

Литература

Голдинг У. Свободное падение. – М., 2011.

Бюро переводов «ТрансЕвропа». Способы перевода говорящих имен и фамилий.

URL: <http://transeurope.ru/publications/sposobyi-perevodagovoryashhihimen-i-familiy.html>

Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997

Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.

Чамеев А.А. У. Голдинг – сочинитель притч. – М., 1996. URL: <http://www.philology.ru/literature3/chameev-96.htm>

Шебалов Р.Ю. Ономастическая игра в ранней прозе А.П. Чехова: Учебное пособие / Уральский гос.пед.ун-тет. – Екатеринбург, 2005.

© Мошкина А.Е., 2015

Е.В. Рябкова
Екатеринбург

УДК 372.881.161.1:811.161.1'271.2:811.161'23
ББК Ч426.919=411.1,5+Ш141.12-006

Психодиагностика письменной речи школьников

В статье рассмотрены методики диагностирования у школьников среднего звена доминирующего полушария головного мозга и ведущей модальности восприятия, что помогает адаптировать учебный материал для разных групп обучающихся.

Представлено описание трех вербальных диагностических процедур («Перевернутая», «Силлогизмы», «Завершение текста») по выявлению межполушарной асимметрии головного мозга и ведущего канала восприятия в письменной речи учащихся.

Ключевые слова. Вербальная диагностика, межполушарная асимметрия, левополушарные, правополушарные стратегии, аудиалы, визуалы, кинестеты, речевой предикат.

E.V. Ryabkova
Yekaterinburg

Psychodiagnostics of writing of pupils

The article describes methods of diagnosing a middle-level students of the dominant hemisphere of the brain and leading sense modality that helps to adapt the training material for different groups of students. Describes the three verbal diagnostic procedures ("Inverted", "Syllogisms", "End of text") to identify inter-hemispheric asymmetry of the human brain and leading channel of perception in writing of the students.

Key words. Verbal diagnosis, hemispheric asymmetry, left, right strategy, auditory, visual, kinesthetic, speech predicate.

В современной педагогической практике актуальным является вопрос улучшения процесса обучения для достижения его максимальной эффективности. Для этого педагог стремится найти индивидуальный подход к каждому учащемуся с помощью различных методик обучения, дидактического материала, современных технологий. Но при организации образовательного процесса учителю нужно принимать во внимание и индивидуальные черты учащихся.

В школьном преподавании эффективность обучения во многом зависит от умения педагога передать информацию в доступной форме для ученика, а также создать наиболее благоприятные условия для реализации способности ребенка воспринимать и перерабатывать получаемую информацию. Нами была предпринята попытка диагностирования у школьников среднего

звена доминирующего полушария головного мозга и ведущей модальности восприятия.

Для данного исследования по определению доминирующего полушария и выявлению ведущей модальности восприятия нами был взят 7 класс МБОУ СОШ № 22 г. Екатеринбурга. В диагностике приняли участие 22 ученика. Нами были проведены следующие вербальные диагностики: «Перевернутая», «Силлогизмы» и «Завершение текста».

Для изучения ведущих каналов восприятия у учащихся использовалась **диагностика «Перевернутая»**. Учащимся было дано задание: охарактеризовать несколькими словосочетаниями понятия «дождь», «стул» и «кошка». Слова-стимулы подбирались так, чтобы они представляли все уровни сенсорно-перцептивного комплекса. Каждое слово несет полифункциональную нагрузку, но при этом имеет ярко выраженную модальную доминанту.

В ответах учитывались и подсчитывались следующие речевые предикаты:

- слуховой канал – 1. Дождь: стук капель, капли стучат по крыше, стук капель за стеклом. 2. Стул: скрип. 3. Кошка: ласковое мурлыканье, громкое мяуканье, мурчанье, визгливое, приятно мурлычет.

- визуальный канал – 1. Дождь: яркая радуга, мокрые дороги, мокрая листва, темные тучи, плохая погода, смотришь в окно, небольшие лужицы, солнце всходит из-за туч, плед, чай, раскаты молнии, вода льется по стеклу окна, долгий проливной ливень, падают капли, лужи вокруг, серое небо, люди с зонтами, тусклое небо, туманный и пасмурный день. 2. Стул: доска с четырьмя ножками, предмет мебели, комната, кухня, сидение на кухне, на четырех палках, со спинкой, темно-коричневого цвета, с подушкой, табуретка, деревянный, высокий. 3. Кошка: пуцеглазый пушистый когтистый комок, шерсть, одомашненное животное с треугольными ушами, когти, маленький пушистый комочек, изящный зверь, линяет, красивая, пластичная, хвост, спит, рыжее существо.

- чувственный канал – 1. Дождь: теплые капли, влажный воздух, сырость, разряженный воздух, легко дышать, приятные

холодные капли, запах свежести, запах мокрых камней, холодно, свежий воздух, хорошее настроение, сыро, прохладно на улице. 2. Стул: отдых, удобно сидеть, можно отдохнуть, теплый, мягкий, твердый, на нем можно покачаться, пахнет древесиной, неудобно, расслабляет. 3. Кошка: любит рядом сидеть, мягкий, ласковый друг, острые когти, любит носиться ночью, укус, верный друг, царапается, любовь, вечно просит пить, есть, хочется погладить, мягкая шерсть, веселый зверек, всегда играю с ней.

Вторая диагностика «Силлогизмы». Цель данной методики заключается в том, чтобы определить доминирующее полушарие головного мозга. Учащимся были выданы карточки с задачами. Задание: необходимо ответить на вопрос в конце каждой задачи и объяснить, почему так ответили.

1. В деревне во всех домах есть печь, поэтому в них тепло.
2. Петя живет в деревне.
3. Тепло ли у Пети дома?

- II.**
1. Когда на улице дождь, то мы сидим дома.
 2. Сегодня на улице дождь.
 3. Мы пойдем сегодня гулять?

- III.**
1. Каждый врач умеет ставить уколы.
 2. Маша – врач.
 3. Может ли Маша ставить уколы?

- IV.**
1. В любом лесу, где есть березы, растут подберезовики.
 2. В этом лесу нет берез.
 3. Растут ли подберезовики в этом лесу?

- V.**
1. В доме номер 5 нет света.
 2. Мы живем в доме номер 3.
 3. Есть ли свет в нашем доме?

Известно, что данные задачи можно решать двумя способами: абстрактно и конкретно. Теоретический способ (абстрактный) решения обычно используют левополушарные дети, так как левое полушарие – носитель логического мышления. Право-

полушарные учащиеся могут решать теоретически, а могут и на основе эмпирического опыта (конкретно).

Примеры ответов учеников:

№1. 1. У Пети дома тепло, потому что у него дома есть печь.

2. Мы не пойдем сегодня гулять, потому что на улице идет дождь.

3. Да, Маша может ставить уколы, потому что Маша – врач.

4. В этом лесу не растут подберезовики, потому что в этом лесу нет берез.

5. У нас в доме есть свет, потому что только в доме №5 отключили свет.

№2. 1. У Пети может быть тепло, а может быть и холодно, потому что мы не знаем, есть ли у него дома печь.

2. Нет, не пойдем, так как сегодня дождь.

3. Да, Маша может ставить уколы, ведь она - врач.

4. В этом лесу есть подберезовики, так как они называются так из-за формы и цвета, не обязательно, что в лесу без берез они не растут.

5. Дом №3 идет раньше дома №5, и поэтому в нем нет света, а чтобы выключить свет в доме №5 нужно отключить свет во всем поселке.

№3. 1. Да, у Пети дома тепло, если у Пети дома есть печь (дрова).

2. Да, если дождь будет идти не весь день.

3. Не знаю, потому что Маша может бояться уколов.

4. Да, если в этом лесу росли березы и их вырубili, нет, если березы не росли изначально в лесу.

5. Может да, может, нет, если свет отключили во всем районе, то да, если в доме произошла авария, то нет.

Третья диагностика «Завершение текста». Данная методика позволяет определить доминирующее полушарие головного мозга и ведущую модальность восприятия информации.

Учащимся необходимо было закончить текст от лица разных героев:

1) от своего лица;

2) от лица птицы;

3) от лица водителя трамвая.

«С самого утра шел сильный дождь. Всё небо было затянуто темными тучами. На улице почти никого не было. Вот дворняжка перебежала дорогу, по тротуару быстрым шагом прошли женщина с ребенком, мимо проехало несколько машин...».

В текстах учитывались и подсчитывались следующие речевые предикаты:

- слуховой канал – аудиалы: *пела звонкие песни, забренчал, громкий детский вопль, чик-чирик, говорить, кар-каар, громко хлопала крыльями, запели, поговорить.*

- зрительный канал – визуалы: *все видно, серое, унылое, стала наблюдать, увидела, понаблюдав, пасмурно, наблюдала, грязные капли, вижу, видел, смотрела, было темно, невеселые люди.*

- чувственный (кинестетический) канал – кинестеты: *сидела, ждала, выглянуло, собралась, поспешила, промокла, продрогла, проехали, облили, испугала, столкнулся, запнулся, на меня капали большие капли дождя, подул сильный ветер, выбежала, гнала, остановилась, врезался, успела промочить перья, у меня депрессия, пасмурно, я в тепле, случайно ударился, испугалась, на меня вода из лужи, развернулась, врезалась, летела, очень плохо, ужасная погода, очень сильно боялась, сломал, наслаждаясь свежим воздухом, тяжелые капли, грустный день, проголодались, все торопятся, прохладный, влажный воздух, прекрасный, скучный.*

Представим фрагменты текстов учащихся:

№1. 1. *Собаке пришлось убежать с дороги на трамвайные пути. Как раз шел трамвай, водитель изо всех сил нажимал на тормоз и сигналил собаке, собака **успела увидеть** трамвай и перейти на другие рельсы.*

2. *Я сидел на крыше и **смотрел**: как вдруг дворняжка перебежала с тротуара на трамвайные пути, **было темно**, водитель **не заметил** собаку. Но какой-то мальчик за секунду до столкновения смог забрать собаку.*

3. *Я сидел в трамвае, управлял им, как вдруг я увидел дворняжку. Я стал резко тормозить, из-за чего трамвай сошел с рельсов и выехал на проезжую часть (визуальная модальность);*

№2. 1. Я сидела дома. Из окна было видно, как женщина **прошла** в магазин, чтобы переждать дождь. Собака **спряталась** под дерево. Я хотела сегодня погулять, но я не пойду в такой **пасмурный и прохладный день**.

2. Я летела через город. Людей совсем не было. Для меня это **прекрасный день. Влажный воздух просто прекрасен. Не понимаю, как люди не любят такую погоду. Кар-кар.**

3. В моем трамвае было мало людей. **Скучный денек. Я развез по всем остановкам. Мы с кондуктором вышли на обед. Навстречу мне бежала моя жена с ребенком** (кинестетическая модальность);

№3. 1. Вскоре под вечер **все стихло. Выглянуло солнце. Птички запели.**

2. Я сидела на деревьях и **пела звонкие песни.**

3. **Чик чирик чик чирик чу чик. Чу чик чик-чик чивчаав чик. Чивик чу ча. Крыша! Ура, теперь я умею говорить!**» (аудиальная модальность).

Данная методика позволяет определить и доминирующее полушарие головного мозга. Левополушарные учащиеся используют много служебных слов, тип речи – повествование, употребляют много глаголов, в текстах преобладают сложные предложения (2. Я подлетела к углу дома, где меня обычно кормили крупной старушки, но их там не было. Я долго ждала, но они не пришли. За это время, которое я там была, я успела промокнуть и продрогнуть до костей, отряхнулась и улетела греться). Правополушарные учащиеся используют мало служебных слов, мало глаголов, существительные в основном с конкретной семантикой, предложения простые, можем наблюдать целостность текста (1. Как пасмурно. Дождь. Машины медленно едут по расползающейся грязи).

Обработав результаты диагностик, мы установили, что по типу мышления в классе 55% левополушарных детей, 27% равнополушарных и 18% правополушарных. Доминирующий канал восприятия информации у учащихся кинестетический – 68%, зрительный – 23%, аудиальный – 9%.

Таким образом, учитывая ведущие модальности восприятия учащихся и владея психолингвистическими основами методики

преподавания русского языка, становится возможным индивидуальный подход в обучении. Это позволяет определить факторы, которые влияют на успешность профессиональной деятельности педагога, выявить наиболее продуктивные методы и методики обучения и развития учащихся.

Литература

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. – М., 2000.

Бодалев А.А., Столин В.В. Общая психодиагностика. – М., 1987..

Борисова Е.М., Гуревич К.М. Психологическая диагностика / под ред. К.М. Гуревича и Е.М. Борисовой. – М., 1997.

Глухов В.П. Основы психолингвистики. – М., 2005.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997.

Гойхман О.Я. Основы речевой коммуникации. – М., 1997.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. – Тверь, 2011.

Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.

Кавинкина И.Н. Психолингвистика. – Гродно, 2010.

Коновалова Н.И. Как сделать обучение русскому языку успешным: психолингвистические консультации // Филологический класс. – 2011. - №26. – С. 20-22.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. – М., 1973.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1997.

Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб., 2010.

Норман Б.Ю. Основы психолингвистики: курс лекций. – Минск, 2011.

Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. – М., 1991.

Разуваева Т.Н. Диагностика личности. – Шадринск, 1993.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: курс лекций. – Л., 1989.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., 2011.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. – М., 2001.

© Рябкова Е.В., 2015

Ю.К. Санина
Екатеринбург

УДК 811.111'42:811.111'38
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55

Метафорическое моделирование миграции в британском дискурсе на материале газеты «The Guardian» за период 2014-2015 гг.

В статье рассматривается метафорическое моделирование миграции в британском медиа-дискурсе по материалам газеты «The Guardian» за период 2014-2015 гг. Методика исследования основана на теории метафорического моделирования (А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, Е.С. Кубрякова). Выделены наиболее продуктивные метафорические модели, репрезентирующие миграцию в дискурсе СМИ (криминальная, милитарная, морбиальная, со сферой-источников «сверхъестественное»). Сфера применения метафоры, представляющей миграцию в британских СМИ, отражает высокую степень общественной обеспокоенности судьбой беженцев и трудовых мигрантов.

Ключевые слова: дискурс СМИ, метафора, метафорическая модель, миграция, британский.

Y.K. Sanina
Yekaterinburg

Metaphorical modeling of migration in British mass media according to the national daily newspaper «The Guardian » (2014-2015)

The article is devoted to the analysis of metaphors, representing migration in the texts of British print media using materials of «The Guardian», national daily newspaper. The most productive metaphorical models are shown in this article (criminal, military, medical, with the source domain «supernatural»). They reflect great awareness

regarding the situation of the people who left their native land to live and work in other countries.

Key words: mass media discourse, metaphor, metaphorical modeling, migration, British.

Отношение к метафоре менялось с течением времени, и если при традиционном подходе, берущем своё начало ещё при Аристотеле, считалось, что метафора нужна прежде всего для украшения речи, то сейчас люди осознали, что это мощный инструмент воздействия на человеческое сознание.

В связи с этим наблюдается всё возрастающий интерес лингвистов к вербальным особенностям средств массовой информации, ведь «СМИ оказывают на нас не только сильнейшее влияние, но и сильнейшее давление» [Кубрякова 2008: 183]. Для достижения своих целей язык СМИ имеет целый арсенал способов привлечения внимания потенциального читателя/слушателя. Формируя у населения позитивный либо негативный образ того или иного явления, СМИ являются мощным идеологическим оружием.

Поскольку метафорическая аргументация действует на многих людей намного сильнее любой другой, то метафора сейчас широко используется в средствах массовой информации. Метафора – это феномен взаимодействия языка, мышления и культуры, таким образом, метафорическая модель – это важный инструмент познания национальной картины мира, национальной ментальности. По определению А.П. Чудинова, метафорическая модель – это «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [Чудинов 2001: 35].

Чем острее освещаемая в СМИ проблема, чем сильнее на неё отклик у общественности, тем больше точек зрения можно встретить. На сегодняшний день одной из таких «больных» тем во всём мире является миграция, во многом ещё и потому, что за ней тянется целый «шлейф» не менее важных задач, требующих

пристального внимания: военные конфликты, безработица, ксенофобия, детский труд, голод.

В рамках этой статьи мы проведём анализ метафорики, представляющей проблему миграции в британских СМИ на материале газеты «The Guardian». «The Guardian» – это британская ежедневная газета с тиражом 256283 экземпляра, и её сайт является самым посещаемым среди сайтов других известных британских изданий.

В ходе работы были исследована 41 публикация в интернет-версии печатного издания «The Guardian» за период 2014-2015 гг. Эти материалы различны по жанровой принадлежности, рассчитаны на массового адресата, объединены темой миграции. В данной статье мы проанализировали 8 наиболее продуктивных метафорических моделей и выделили 82 метафорические единицы. Наибольшее количество метафор (24 МЕ) было отнесено к **криминальной метафорической модели**. Но в отличие от российского медиа-дискурса, где мигрант часто предстаёт в образе врага или преступника, в британских СМИ мигрант – это в первую очередь жертва различных преступных сообществ (trafficking gangs), человек, ущемлённый в своих правах, которому требуется помощь.

Фрейм «Жертва»

Они «становятся жертвами» контрабандистов (the migrants were classified as potential victims of trafficking), незаконной перевозки детей и принудительного труда (falling prey to a new and thriving market for child trafficking and forced labour), пыток (many of whom have fallen victim to torture and trafficking in Sudan and Egypt).

Фрейм «Рабство»

Метафоры, относящиеся к данному фрейму, составляют большую часть от общего количества криминальных метафор (18 МЕ) и акцентируют внимание на безвольном положении переселенцев и потребительском отношении к труду этих людей. На бумаге подобные действия уголовно наказуемы, но в действительности местные власти зачастую заинтересованы в дешевой рабочей силе, которая готова работать по 17 часов в день чуть ли не за еду. Поэтому современное рабство – довольно час-

тое явление. (Falling into this form of modern slavery is not exclusive to migrant domestic workers). По данным международной организации Free the Slaves в современном мире на положении рабов живут более 27 млн человек, 1 млн из которых обитают в Европе.

Слот «Условия проживания и труда рабов»

Находясь в другой стране, живущей по другим законам, вдали от родных, люди особенно беззащитны перед произволом власть имущих.

Pressure group calls on Israel to enforce labour laws after Thai workers tell of 17-hour days and being treated 'like slaves'. Workers were left destitute (в нужде, лишениях) due to illegal recruitment fees (нелегальная плата за найм), deported for complaining ((выселять за жалобы)) about wages and going on strike, and housed in slum-like camps (трущоба). With modern slavery, forced labour and extreme exploitation of vulnerable workers (изнуряющая эксплуатация уязвимых рабочих) migrants doing construction and domestic work.

Labourers told HRW that they “felt like dead meat” after milking cows and harvesting avocados from 4:30 am to 7pm. (после работы с таким режимом люди чувствуют себя просто «мясом», «мертвцами»).

Слот «Места обитания заключённых»

Конечно, вынужденные жить и работать в таких условиях, мигранты и беженцы не могут себя чувствовать полноценными членами общества. Их можно назвать узниками обстоятельств, что и отражается в метафорах, связанных с местом их обитания. Причём словом «prison» («тюрьма») в статьях называют homes in Australia were becoming “prisons that people can not leave”), но и не только то место, куда приехали переселенцы (private to, откуда они бежали (Elsa Chyrum... sums up her home land in two words: open prison)).

Следующей по частотности идёт **милитарная метафорическая модель** (16 ME). К сожалению, даже в XXI веке она не теряет своей актуальности, потому что в разных частях планеты постоянно вспыхивают военные конфликты, что и находит от-

ражение в метафорическом мышлении людей, которые переносят свои наблюдения и на другие сферы общественной жизни.

Фрейм «Военные действия»

Слот «Атакующие военные действия»

Проблема миграции, прежде всего, заключается в том, что миграция всегда несёт угрозу стабильному развитию тех стран, куда прибывают мигранты. Страны пытаются контролировать и сдерживать потоки прибывающих из других стран людей, чтобы сохранить внутреннюю стабильность. Именно в рамках данной метафорической модели можно увидеть мигрантов в роли агрессоров, которые «осаждают» границы европейских государств (the EU's borders that are being besieged), оказывают давление своей численностью (the number of migrants landing on Italian shores quadrupled last year... piling pressure on the EU to form a long-term migration strategy). И этим они провоцируют правительства государств на ответные реакции: the military police routinely carry out roundups (проводят облавы); the military action would require a UN mandate (военные действия); the idea of surgical strikes (воен. Молниеносный удар, ограниченное нападение с воздуха).

Слот «Оборонительные военные действия»

Под натиском беженцев и переселенцев европейские государства вынуждены охранять свои границы (to secure its borders, secure the EU's external frontier), укреплять обороноспособность (the moral responsibility of saving lives and prioritise the strengthening of the defences of fortress Europe), сопротивляться (there would be great resistance).

Фрейм «Ход войны и ее итоги»

Метафорика войны в теме миграции переплетается с реальной войной, от которой бегут многие переселенцы (the vast majority of refugees are fleeing war, torture and terror). Для сдерживания нежелательного притока населения из других областей правительства прибегают к таким приёмам, как “fear-mongering propaganda” (fear-mongering – воен. паранойя, эпидемия страха), понимая, что если пустить проблему на самотёк, то это приведет к «поражению» (if we accept migration as being part of the development conundrum, we are conceding defeat). На третьем месте по

частотности стоит **морбиальная метафорическая модель**, что доказывает «характерное для наших дней осмысление мира как физически и психически нездорового» [Шмелева 2001].

Фрейм «Симптомы болезни и диагноз»

Поскольку человек соизмеряет окружающую действительность со своим личным опытом, можно говорить об антропометричности метафоры. Многие события и вещи мы уподобляем в нашем сознании живому организму, и потому к ним применяются категории здоровья/болезни.

Слот «Симптомы болезни»

Любой болезни сопутствуют различные «сигналы»: «this type of language is clearly inflammatory and unacceptable», «we are seeing a refugee convulsion».

В прессе делается акцент на том, что стоит искать причину проблемы, а не бороться с её симптомами: «they should start at the source of the problem, instead of seeking to deal with the symptoms», «to tackle the symptoms, not the cause».

Слот «Психические болезни»

Люди, вынужденно пребывающие в чужой стране, часто находятся в постоянном психическом напряжении, и их состояние передается следующими метафорами: «fear (страх), fatigue (переутомление) and separation: a journey with migrants willing to risk everything», «fear-mongering propaganda (пропаганда массовой истерии)», «growing desperation (растущее отчаяние) to gain asylum in Europe».

Фрейм «Пациент и способы его лечения»

Данный фрейм включает в себя такие метафоры, как «to give people back their history and start a process of healing (процесс излечения)», «that remains the strongest medicine (сильнейшее лекарство) against desperation and powerlessness».

Гидронимная метафорическая модель достаточно широко представлена в британском политическом дискурсе.

Фрейм «Характер движения воды»

Особо высокой частотностью обладают концепты «wave/surge» (волна) и «flow/stream» (поток) для передачи стихийного характера процессов миграции.

Слот «Волна»

Метафоры данной подгруппы указывают на увеличение числа приезжих, которые «захлестывают» принимающие государства своим количеством: «unprecedented wave of people flee conflict and poverty to seek better lives in Europe», «similar disasters have triggered a surge in migrant workers».

Слот «Поток»

К этому слоту относятся следующие метафоры: «flow of sea-borne migrants», «to stem the flow of new arrivals», «a major factor in rising migration flows», «stream of migrant workers from south-east Asia».

Фрейм «Стихийное бедствие»

Когда людской поток начинает превышать пропускную способность государства на границах, то такая ситуация начинает осмысляться как настоящее бедствие для правительства и коренных жителей, стихийное и неуправляемое.

Слот «Наводнение»

Неконтролируемый приток населения из других областей можно охарактеризовать через концепт «flood» (наводнение): «“flood” of migrants», «increasing numbers of Syrians flooded into Lebanon».

Особое внимание привлекают метафоры **со сферой-источником «Сверхъестественное»**. Эта модель является среднечастотной и достаточно продуктивной и включает наименования разных волшебных предметов и существ, известных библейских мотивов, обрядов.

Фрейм «Религия»

Использование религиозных метафор подчеркивает глубину осмысления явления с опорой на культурный опыт предыдущих поколений. В образе мигранта можно увидеть намёк на мученичество, ему приходится проходить через «испытания огнём и водой» («they have seen the most horrific ordeals» – ордалии, «суд Божий») в поисках «Земли обетованной» («promised land»).

Слот «Библейские мотивы»

Найденная метафора отсылает нас к названию второй книги Ветхого Завета («The Exodus» – «Исход») и к библеизму («the Exodus» (исход евреев из Египта): «that kind of “freewill” has

prompted averitable exodus», «the reasons for the exodus are not hard to fathom».

Слот «Силы зла»

На своём пути переселенцам приходится противостоять «силам зла» («there was no time for the children to shield themselves from the inferno»), однако и они сами становятся объектами гонений и сравниваются с нечистой силой («he conceded that “a similar process of demonisation” (of migration) was taking place elsewhere in Europe»).

Фрейм «Магия»

С давних времен люди пытались объяснить непонятные и пугающие явления с помощью вмешательства потусторонних сил, остатки этого наивного мышления находят своё отражение в человеческом сознании до сих пор.

Слот «Волшебные предметы»

Проблему миграции не решить взмахом волшебной «политической» палочки: «the complex issue of migration could not be addressed by “waving a policy wand”». Менее продуктивными себя показали **экономическая** («source of cheap labour» – «источник дешёвой рабочей силы»), «unscrupulous trade» – «беспринципная торговля»; «year-round smuggling business» – «круглогодичный контрабандный бизнес»); **физиологическая** («the blood of migrant workers» – «кровь трудовых мигрантов», «nasty under belly of racism» – «уязвимое место, подбрюшье») и **зооморфная метафорические модели** («these migrants are like cockroaches» – «тараканы», «those who protested were “deported like cattle back home» – «домашний скот»).

В данной статье мы рассмотрели наиболее частотные метафорические модели по теме миграции в британском дискурсе на основе материалов газеты «The Guardian» в период за 2014-2015 гг., однако данные модели не исчерпывают всего многообразия метафорических моделей, функционирующих в британском дискурсе СМИ о миграции.

Подводя итог исследования, можно заключить, что издание «The Guardian» придерживается политики толерантности и терпимости в отношении приезжающих из других стран. В британском медиа-дискурсе образ мигранта – это, в первую очередь,

образ «мученика», жертвы, страдающей от жизненной ситуации и нуждающейся в поддержке. Акцент делается в первую очередь на том, с какими проблемами они сталкиваются, а не на то, какие проблемы они могут принести. СМИ информируют население о миграционных процессах, критикуют жестокое обращение с этой уязвимой частью социума, играют важную роль в формировании общественного сознания, способствуют сочувственным настроениям среди коренного населения к беженцам.

Литература

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2008.

Дмитриев А.В. Миграция. Конфликтное измерение. – М., 2007.

Кубрякова Е.С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности. – М., 2008.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2001) / Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001.

Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7.

Электронные ресурсы

«*The Guardian*» (2014-2015 гг.). URL: <http://www.theguardian.com>

© Санина Ю.К., 2015

П.Е. Шелегин
Екатеринбург

УДК 811.161.1'42

ББК Ш141.12-51

Флейм как конфликтный полилог и его жанровая принадлежность*

В статье рассматривается *флейм* как коммуникативное явление, существующее в интернет-пространстве, сквозь призму

*Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

жанровой типологии. Изучаются основные черты флейма с точки зрения виртуального дискурса, формулируется и конкретизируется понимание флейма как речевого жанра. На материале полилогов русскоязычного Интернета показываются основные различия между пониманиями флейма как первичного речевого жанра и как гипержанровой структуры.

Ключевые слова: флейм, речевой жанр, виртуальный дискурс, гипержанр, полилог.

P.E. Shelegin
Yekaterinburg

Flame as a conflict polylogue and its genre affiliation

The given article deals with the term *flame* as a communicative phenomenon existing in the Internet in the light of the genre typology. The main features of the flame related to the virtual discourse studies are explored, the meaning of the term “flame” as a speech genre is defined. Using polylogues from the Russian segment of the Internet, the main differences between flame as a primary speech genre and as a hypergenreous structure are described.

Key words: flame, speech genre, virtual discourse, hypergenre, polylogue.

В интернет-пространстве можно наблюдать особые явления, отличающиеся от тех, которые имеют место в непосредственной речевой коммуникации. К таким явлениям относится, в частности, флейм.

Существует несколько определений флейма как коммуникативного явления: **флейм** – электронное письмо или сообщение в конференции пользовательской сети, имеющее целью оскорбить, упрекнуть или спровоцировать адресата (*insulting criticism or remark meant to cite anger*) [Heenan, Andrew]; **флеймом** называют также сам акт посланки такого сообщения [Андреев]; в широком смысле флеймом называется весь конфликтный полилог.

Это понятие, как мы видим, допускает достаточно широкий диапазон употребления: от единичного сообщения до объемного

полилога. При исследовании флейма важно понимать, к какому именно классу речевых явлений он относится.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть флейм через призму жанровой типологии, обратимся к нему как к более широкой единице речевой коммуникации и отвлечемся от флеймовых реплик, которые изучаются нами в прагматическом контексте использования коммуникативных стратегий и тактик.

Следует отметить особенности флейма как конфликтного полилога в компьютерно-опосредованной коммуникации. Во-первых, существование флейма возможно только в виртуальной среде; само понятие flame возникло на раннем этапе развития интернет-коммуникации (словарь Hacker's Dictionary определяет время его возникновения 1969 годом) и тесно связано с ним; следовательно, изучать это явление целесообразно в рамках теории, привязанной к компьютерно-опосредованной коммуникации. Во-вторых, основой существования флейма является его открытая инициальная конфликтность, которая предполагает, что большинство коммуникантов во флейме изначально придерживаются взаимно противоположных точек зрения и формулируют их в своих высказываниях.

Теория виртуального дискурса изучает тексты, созданные в ситуациях общения в виртуальной реальности («виртуальный» здесь стоит понимать как антоним «реальному»); свойства виртуальной реальности – порожденность, актуальность, автономность и интерактивность). О.А. Лутовинова отмечает главные признаки виртуального дискурса: «неограниченная доступность и скорость получения информации и завязывания знакомств, анонимность, отсутствие пространственных границ, стирание роли временного фактора, демократичность общения, свобода самовыражения» [Лутовинова 2009: 10].

В изучении О.А. Лутовиновой виртуального дискурса наиболее важным нам представляется разделение жанров, существующих внутри него, на дискурсоприобретенные и дискурсообразующие. Основание для этого разделения соотносится с основанием М.М. Бахтина для различения первичных (складывающихся в условиях непосредственного общения) и вторичных («образованных в условиях высокоразвитой культурной комму-

никации») речевых жанров [Бахтин 1996: 160]. Дискурсоприобретенные (первичные) жанры не закреплены за дискурсообразующими и могут развиваться внутри любых из них. Касаясь проблемы разделения жанров на «простые» и «сложные», нужно упомянуть работу В.В. Дементьева, говорившего о «трех типах вторичных речевых жанров и трех типах косвенности» (хронологической, контекстной и синхронной) [Дементьев 2010: 172].

Хронологическая косвенность определяет взаимодействие жанров, например, просьбы и молитвы, угрозы и ультиматума, исповеди близкому человеку и исповеди как публицистического жанра; его суть заключается в «противоречии между первоначальным значением и значением конечным, современным, сложившимся в результате некоторого исторического процесса переосмысления».

В виртуальном дискурсе понятие «флейм» с 1969 года претерпело, как нам кажется, именно такие жанровые изменения: первоначально означавший реплику/совокупность реплик, этот термин стал переноситься не только на фрагменты полилогов, но и на полилоги в целом. Например, на форуме anti-rs.ru существует специальный раздел под названием «флейм» и позаголовком «Немодерируемый раздел для неадекватных тем и выплеска негатива друг на друга», в рамках которого участникам заранее дается установка на деструктивное общение; из этого следует вопрос, стоит ли понимать флейм как вторичный (дискурсообразующий) жанр виртуального дискурса, или, вне зависимости от социальной и коммуникативной установки, он остается дискурсоприобретенным явлением?

Остановимся на выделенных О.А. Лутовиновой дискурсообразующих жанрах: электронное письмо, чат, форум (гостевая книга), мгновенные сообщения (IM), блог, онлайн-RPG (role playing game, ролевая игра) и СМС [Лутовинова 2009: 169]. Дискурсообразующие жанры выделяются по принципу формально-композиционной организации речевого произведения. Важно отметить, что некоторые из этих жанров в современном Интернете имеют слишком сходные параметры, недостаточные для формирования жанров в отдельные явления. Например, жанры чата и мгновенных сообщений (IM) чрезвычайно похожи

как по конструктивным принципам (общая платформа для участников, одинаковый интерфейс управления, идентичные правила для пользователей в сети/вне сети), так и по коммуникативным (малозначимая «скорость реакции» пользователя, возможность общения tet-a-tet). Различие между ними, по мнению О. А. Лутовиновой, заключается в особом ПО, необходимом для работы ИМ, наличии отдельных интернет-протоколов и возможности коммуникации «лицом к лицу», но речь идет, скорее всего, о **публичных** чатах и о **закрытых** ИМ-комнатах; однако с технической точки зрения, публичные чаты также имеют уникальные интернет-протоколы в основе своей работы, хотя они и адаптированы под работу в привычном браузере, при этом чат, так же как и ИМ, чаще всего предоставляет возможность отправить сообщение лично коммуниканту, а в ИМ (например, в наиболее распространенном в 2000-х годах ICQ) есть возможность создать публичную комнату, пригласив в нее несколько других человек.

Таким же образом по коммуникативным, конструктивным и техническим характеристикам, похожи жанры форума и блога. К этому же жанру можно отнести и «домашние страницы», и страницы в социальных сетях: некоторые исследователи, в частности, Г.С. Гусейнов, сравнивают ЖЖ (Live Journal, блог), Facebook (социальная сеть) и Twitter (микроблог, записи в котором ограничены 140 знаками) соответственно с еженедельником, часовой и минутной стрелками [Русский... 2014: 45], указывая на степень информативности и частоту появления новых записей в каждой разновидности жанра.

Флейм отнесен О.А. Лутовиновой к дискурсоприобретенным жанрам, классификация которых строится по принципу сценариев [Лутовинова 2009: 234]. По ее мнению, флейм представляет собой «вырожденную форму жанра обмена мнениями, конструктивного спора». Основные черты флейма – внезапное начало, отвлечение от темы, провокационный и часто оскорбительный характер сообщений, переход на личности. Обратившись к теории семантических примитивов, можно сформулировать структуру жанра флейма по образцу структуры речевых жанров

спора и ссоры, выделенных для разговорной речи К.Ф. Седовым [Седов 2007: 261]:

- *знаю, что ты думаешь о Z нечто другое, чем я,*
- *говорю: ты думаешь плохо (или: говорю: ты плохой, потому что думаешь иначе),*
- *говорю это, потому что хочу, чтобы ты сказал, что ты говорил плохо,*
- *знаю, что ты не скажешь, что говорил плохо,*
- *хочу, чтобы ты сказал в ответ что-то плохое,*
- *знаю, что тебя раздражает говорить что-то плохое,*
- *хочу получить удовольствие, глядя на то, как тебя это раздражает.*

Первые три коммуникативных примитива были заимствованы из описания К.Ф. Седовым жанра ссоры, остальные (с уточнениями) – из описания жанра флейма О.А. Лутовиновой.

Эта схема применима к нашему пониманию флейма как конфликтного жанра. Hacker's Dictionary (он же The Jargon File), однако, фиксирует в качестве второго значения термина flame «разговор на неинтересную тему или с нелепым (rabidly) к ней отношением» [The Jargon File], сближая в этом понимании жанр флейма и жанр болтовни, который частично также является релевантным для нашего понимания флейма как конфликта.

Основным поводом к мысли о выделении флейма как дискурсообразующего жанра является его коммуникативная особенность, состоящая в намеренном отсутствии модерации. При этом классифицирующие основы необходимо оставить в рамках сценариев: рассматривать флейм как явление, смежное по формально-конструктивным параметрам с форумом, чатом и т.д. по меньшей мере бессмысленно. Вместо этого повторим концепцию М.М. Бахтина о вторичных речевых жанрах: «Вторичные (сложные) речевые жанры <...> возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения. <...> В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения» [Бахтин 1996: 160]. Например, упомянутый выше

раздел «Флейм»* форума anti-rs.ru под общей шапкой включает в себя не только жанродефинированные топики (темы), но и жанросмешанные:

- **mzaev1971@list.ru**: <...> Знаете, после всего прочитанного мною у Вас, мне горько осознавать , что я живу среди таких паскуд как ВЫ !!!! Была бы моя воля я бы вас всех расстрелял вместе с вашими детьми <...>

Мечта поэта: Какие глубокие познания чужой частной жизни.) Не ты ли тот самый сожигатель - долбо...б ?

Yanal: Да жизнь его постебала конкретно, бабы нет, бабла-тоже, вот и зол как псина, откуда такие дебилоиды берутся ,что жопу свою надрывают за чужое бабло.

Angerfist: Юноша, Вам срочно к психиатру нужно. Пока дров не наломали

...и далее в том же духе (около 10 комментариев на момент цитирования). Ветка представляет из себя воплощение одного жанра, чистого флейма со всеми присущими жанру особенностями (отвлечение от темы, переход на личности, оскорбительные сообщения).

- Большая тема «"Культурный" срач или сходняк местного бомонда»:

boyrus: Да ладно вам. Есть беседа, а есть откровенный троллинг. Сегодня явно было второе.

Gela: И правильно. А разве его лексика была дружелюбной или, хотя бы, конструктивной? "Выковыривать", "болт с винтом"?

atak: Я правильно поняла, что затюканные и перепуганные новички затроллили нещастного крутого калла? (т.е. «коллектора» на местном жаргоне – П. Ш.)

sergey620x: Все верно. Это была "проверка на вшивость" каллектора.

Fosfoniy: В репу въехать иногда много конструктивней бывает, чем реверансы выписывать да усюсюкать под настроение тусовки :-)))

* Орфография и пунктуация полностью сохранена.

Gela: Он бы в репу и в первый день пребывания на этом достойном ресурсе получил. Но Главный Редактор его обижать не велел

Haus: Fosfoniyochkolizupyryniny ты только на форуме или в жизни тоже?

...и далее в том же духе. Ветка форума (более 3,5 тысяч комментариев) представляет из себя смесь нескольких жанров: флейма (последняя реплика **Haus**), шутки, ироничного сообщения (**Gela, atak**), болтовни, просьбы и т.д.

Таким образом, чем больше пользователей участвуют в коммуникации, тем выше вероятность образования, развития, смешения различных речевых жанров. Флейм, помещенный под заголовок «флейм», отличается от «не-флейма», т.е. конструктивного неконфликтного общения тем, что внутри полилога, заранее обозначенного флеймовым, самой установкой на отсутствие модерации обусловлена гораздо большая свобода в самовыражении, диапазоне используемых речевых средств, разбросе мнений. Социальное разрешение полной вседозволенности превращает флейм в нечто большее, чем дискурсоприобретенный жанр, тем не менее не позволяя дать ему более высокий статус «дискурсообразующего».

В коммуникативном жанроведении, впрочем, уже существует термин для таких явлений – «гипержанр», родовое понятие, объединяющее неодинаковые речевые жанры. Флейм, объединяющий в себе, помимо «флейма дискурсоприобретенного», еще и жанры **болтовни, дискуссии, совета, просьбы, извинения** и т.д., становится вторичным жанром по отношению к конфликтному флейму, который, в свою очередь, является первичным в рамках дискурсообразующих жанров (**форум, гостевая книга** и т.д.).

Таким образом, было разграничено два понимания флейма: конфликтный полилог («словесная война» посреди бурного обсуждения темы) и более крупная отчасти конфликтная гипержанровая структура.

Литература

Heenan, Andrew. Andrew Heenan's Guide to Flaming [Электронный ресурс]. URL: <http://www.flayme.com/>

Андреев А. Флейм: основы программирования. URL: <http://www.gagin.ru/internet/11/9.html>

Лутвинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. – Волгоград, 2009.

Бахтин М.М. Собрание сочинений. – М., 1996. – Т. 5.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М., 2010.

The Jargon File. URL: <http://www.catb.org/jargon/html/>

Русский язык и новые технологии. – М., 2014.

Седов К.Ф. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М., 2007.

© Шелегин П.Е., 2015

Сведения об авторах

Ахмадиева Елена Федоровна – учитель русского языка и литературы, МБОУ гимназия № 5 (Екатеринбург).
e-mail: ahmadef@mail.ru

Ваулина Ирина Александровна – аспирант Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
e-mail: hemul-1988@mail.ru

Воробьев Александр Михайлович – магистрант 2 года обучения Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
e-mail: asv70478@mail.ru

Воробьева Светлана Михайловна – магистр педагогического образования, директор научно-методического информационного центра Института психологии Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
e-mail: asv70478@mail.ru

Григорьева Надежда Игоревна – магистр педагогического образования (Екатеринбург).
e-mail: nadjagri@rambler.ru

Караваева Мария Александровна – студент 4 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
e-mail: pretty_lady_mary@mail.ru

Кузнецова Екатерина Александровна – студент 3 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
e-mail: yejichka@mail.ru

Кузнецова Полина Алексеевна – студент 4 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

e-mail: polinka-j@bk.ru

Локоткова Оксана Александровна – магистрант 2 года обучения Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

e-mail: lokotkova.oksana@gmail.com

Михневич Ольга Игоревна – магистр педагогического образования (Екатеринбург).

e-mail: mikhnevich-olga@rambler.ru

Мошкина Александра Евгеньевна – магистрант 2 года обучения Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

e-mail: Grefnevikafka@mail.ru

Рябкова Екатерина Владимировна – магистр педагогического образования; учитель русского языка и литературы первой квалификационной категории МБОУ СОШ № 22 (Екатеринбург).

e-mail: katysidorova.1988@mail.ru

Санина Юлия Константиновна – магистр педагогического образования (Екатеринбург).

e-mail: vogel_s@mail.ru

Чечулина Любовь Семеновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

e-mail: love-semenovna@rambler.ru

Шелегин Петр Евгеньевич – аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

e-mail: nwintory@gmail.com

Содержание

<i>Ахмадиева Е.Ф.</i> Учебник русского языка как средство формирования информационной компетентности.....	3
<i>Ваулина И.А.</i> Фоносемантическая экспрессивность в словообразовательном аспекте: экспериментальное исследование.....	10
<i>Воробьев А.М., Воробьева С.Д.</i> Описание типа языковой личности (на примере литературного персонажа).....	25
<i>Григорьева Н.И.</i> Приемы и способы создания названий музыкальных групп: тенденции в номинации.....	35
<i>Караваева М.А.</i> Средства выражения семантики сомнительности в разговорной речи студентов: экспериментальные данные.....	45
<i>Кузнецова Е.А.</i> Лингвистический анализ раёшного комментария к картине.....	51
<i>Кузнецова П.А., Чечулина Л.С.</i> Влияние интернет-сленга на речь современных школьников: экспериментальные данные.....	60
<i>Локоткова О.А.</i> Восприятие паратекстуальных элементов в пьесе-римейке: психолингвистический эксперимент.....	67
<i>Михневич О.И.</i> Зооморфная метафора как средство концептуализации политической действительности Грузии (на материале британских и российских СМИ).....	73
<i>Мошкина А.Е.</i> Ономастическая игра в постмодернистской литературе (на материале романа У. Голдинга «Свободное падение»).....	81
<i>Рябкова Е.В.</i> Психодиагностика письменной речи школьников.....	87
<i>Санина Ю.К.</i> Метафорическое моделирование миграции в британском дискурсе на материале газеты «TheGuardian» за период 2014-2015 гг.....	95
<i>Шелегин П.Е.</i> Флейм как конфликтный полилог и его жанровая принадлежность	103
<i>Сведения об авторах</i>	112

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

LINGUISTICA JUVENIS

Выпуск 17

**Коммуникативный, семантический, лингвометодический
аспекты анализа языковых единиц**

Сборник научных трудов молодых ученых

Корректор: Т.В. Гоголина, Е.Н. Иванова

Оригинал-макет и дизайн обложки: О.Ю. Коновалова

Техническое редактирование: Е.Н. Иванова

Подписано в печать 29.11.2015. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 7,1. Тираж 300 экз. Заказ

Оригинал-макет изготовлен и отпечатан

в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26